

Эдуард БАБАЕВ

Новоселье
рассказы и повести

Im Werden Verlag
Москва - Мюнхен 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ТЫСЯЧА ДОРОГ

Рассказы

ТЫСЯЧА ДОРОГ	3
ЧЬЯ ЭТО СОБАКА?.....	10
ГОСТЬ ИЗ ПУСТЫНИ	13
Я ХОЧУ ВИДЕТЬ УКРОТИТЕЛЯ.....	20
МИТРОХИН	29

В ДВУХ ШАГАХ ОТ ДОМА

Повести

НОВОСЕЛЬЕ	36
В ДВУХ ШАГАХ ОТ ДОМА	47

© Бабаев Эдуард Григорьевич. Новоселье: Рассказы и повести. — М.: Детская литература, 1989. — Для старшего дошкольного и младшего школьного возраста. Художник Г. Епишин

© «Im Werden Verlag». Некоммерческое электронное издание. Мюнхен. 2004. Второе издание — 2006.
Издание подготовил Вадим Ершов
<http://imwerden.de>

ТЫСЯЧА ДОРОГ

Рассказы

ТЫСЯЧА ДОРОГ

КРАСНЫЕ ПЕСКИ

В первый раз я приехал в пустыню с отцом. Он был инженером и строил дороги на юге Узбекистана.

Я думал, что пески непроходимы, что в них увязнешь по колени и не выберешься. Но сначала мы ехали цветущей степью. Потом показались барханы — бурые холмы, покрытые сухой травой.

В пустыне было пустынно. Только высоко в небе кружилась какая-то хищная птица. Называлась пустыня Кызылкумы, что значит «Красные пески». На рассвете и на закате в песках смутно отражалось солнце, и тогда они действительно становились красными.

Казалось, что вокруг нет ни души. Но это не так. Когда мы поднялись на бархан, то увидели множество тропинок. Они шли с разных сторон и в разные стороны, пересекая друг друга, сливаясь и раздваиваясь.

Потом, через много лет, я и сам работал на строительстве в этих местах. И всюду, где бы я ни был, впереди бежали бесконечные тропинки, указывая верную дорогу от селения к селению, от колодца к колодцу. Пустыня — это тысяча дорог.

БЕЗВЕТРЕННЫЙ ДЕНЬ

Неподалёку от нефтяных промыслов стояли в песках деревянные башни. Это были старые, ещё не разобранные буровые вышки. Над ними тянулись белые облака.

Деревянная угловатая лесенка вела наверх, огибая башню с внешней стороны. Вокруг стояла такая тишина, что слышно было, как песчинки осыпаются с сандалий.

Серёжа поднялся на первую ступеньку, потом — на вторую, миновал один поворот, потом — другой. Чем выше он поднимался, тем медленнее становились его движения. Наконец он остановился.

Прошло несколько минут.

— Серёжа! — крикнул я.

Он не ответил.

Тогда я скинул на песок свой рюкзак и полез вслед за ним по лесенке. За пятым или шестым поворотом я услышал глухое поскрипывание досок.

Это ветер, гнавший облака высоко над землёй, задевал вершину башни и раскачивал её верхние площадки. Башня ожила. Она дышала, двигалась.

Серёжа вцепился в перила руками, смотрел на облака и не мог пошевелинуться. Так новички-матросы застывают на мачтах, которые раскачивает ветер.

— Ветер! — сказал я Серёже, добравшись до него.

Он кивнул мне радостно, глотнул воздух раскрытым ртом и ничего не ответил.

— Боишься? — спросил я.

Серёжа ответил с трудом:

— Нет! — и показал рукой наверх.

Он был храбрый мальчик. Мы поднялись на самую высокую площадку. Внизу плыла земля. Барханы были похожи на волны.

Там, внизу, был безветренный день.

А здесь, наверху, идут большие облака и никогда не утихает ветер.

ГНЕЗДО АИСТА

В древнем городе Бухаре много аистов. Они живут на крышах домов, у водоёмов, на могучих деревьях, на каменных башнях-минаретах.

На зиму аисты улетают в тёплые страны. А весной возвращаются на старые места. Они летают над городом, раскинув свои бело-чёрные крылья. Или стоят в гнёздах, спрятав клюв в белых перьях на груди.

Гнёзда у аистов сложены из прутьев. Аист птица белая и любит высоту.

Однажды я увидел огромное гнездо, похожее на прочную корзину или на опрокинутый купол. Я удивился: когда это аист мог сплести столько веток?

Оказалось, что этому гнезду больше ста лет. Целый век, каждый год, сто лет подряд, аисты строили свой дом. И получился он высокий, славный и красивый, как Бухара.

НА ВЕРБЛЮДЕ

Я думал: как садятся на верблюда? Ведь он такой большой! Лестницу к нему приставляют, что ли?

Вот мальчик на верблюде, высоко-высоко, в деревянном седле. Едет куда-то, покачивается, смотрит по сторонам. Далеко ему видно.

Оказалось, что на верблюда сесть легко.

Караванщик дёрнул верёвку и тихонько сказал:

— Шш...

И верблюд понял: он подогнул в коленях сначала передние, а потом задние ноги и опустился на землю. При этом он высоко поднял голову и посмотрел по сторонам равнодушными глазами.

Теперь нетрудно было сесть на верблюда.

Караванщик велел мне крепко держаться за деревянные выступы седла. Он дёрнул верёвку и сказал:

— Шш...

И верблюд понял. Он распрямил задние ноги так, что я чуть не полетел вперёд через голову, а потом распрямил передние ноги так, что я чуть не полетел назад.

Теперь я был очень высоко, в седле, на верблюде. И я подумал: как же с него слезть?

Верблюд повернул ко мне голову и сказал:

«Шш...»

ДЖЕЙРАНЫ

Мы ехали в машине. И справа, и слева тянулись бурые однообразные холмы, заросшие мелкой жёсткой травой.

В пустыне была тишина. Всё живое спряталось от палящего солнца. Время от времени мы открывали фляжки и отпивали по глотку тёплой воды.

До ближайшего колодца было далеко.

Ровно гудел мотор машины, крутились колёса, но мы чувствовали, что над нами и вокруг нас только тишина и неподвижность.

И вдруг шофёр остановил машину.

— Смотрите! — сказал он.

На вершине холма стоял сторожевой джейран. Где-то за его спиной, на склонах, паслось стадо. Джейран был сильный и умный. Он заметил нас раньше, чем мы увидели его. Качнулись его рога, похожие на лиру. И в ту же секунду всё стадо, в семь или восемь голов, помчалось вдали по гребню бархана.

И пустыня наполнилась движением: джейраны, джейраны, лёгкие тени на бурой песчаной земле. Казалось, это сон.

Но вот они исчезли в знойной глубине песков. И снова вокруг ни движения, ни ветерка, ни звука. Это и есть пустыня.

— Поехали! — сказал шофёр, знавший пустыню как свой дом. — Спасибо джейранам! Без них здесь было бы скучно.

ДЖИНН

У меня был чёрный конь. Звали его Джинн. Я ездил на нём по делам.

Серёжа, мой друг, спрашивал меня:

— А что, если конь понесёт?

— Тогда держи поводья покрепче, — ответил я.

— А что, если он вырвет поводья?

— Ну, тогда протяни руки и схвати его за уши! — посоветовал я ему.

И вот однажды я возвращался домой верхом на Джинне. Время было вечернее. И вдруг из-за поворота сверкнул стёклами грузовик. Джинн испугался, вырвал у меня поводья из рук и поскакал.

Его грива коснулась моего лица. Ветер обжигал щёки. И вдруг я увидел, как поводья тянутся по шее Джинна вверх, к его голове, к ушам.

Сейчас поводья перелетят через голову и упадут к его ногам. Наступи Джинн в беге ногой на поводья — мы оба полетим на шоссе.

И вот тогда я сказал себе: «Протяни руки и схвати его за уши!»

Я встал на стремянах, протянул руки — и поймал поводья!

— Спокойно, Джинн! Спокойно, — повторял я.

Джинн фыркнул и перешёл на ровную рысь.

Мы оба постепенно успокоились. И я увидел Серёжу, который с крыльца смотрел в бинокль на Джинна.

КОГДА ПОСПЕЛИ АРБУЗЫ

Ночь на бахче. Луна, да арбузы, да тёмные круглые тени на грядках. Вдруг собака заворчала, залаяла и с визгом вернулась в дом. Забилась в угол, держит лапами нос.

Что такое? Какая-то круглая тень, больше арбуза, покатила между грядками. Катится, переваливается и странно шелестит.

Подожли поближе, смотрим: дикобраз! Поворачивается к нам спиной, иглами грозит. Притронуться к нему страшно. Наш пёс накололся, домой убежал.

Дикобраз любит арбузы. Вот он с трудом пролез через ограду и ушёл в свою нору под скалами, топорща и роняя иглы.

А иглы у дикобраза длинные, крепкие. Если такую иглу очинить, ею можно писать, как стальным пером. Можно, например, написать письмо о том, как дикобраз приходил ночью на бахчу, когда спели арбузы.

КРАК

Попугаю скучно было одному. Он сидел в кольце высокой клетки с проволочным куполом и прислушивался.

В коридоре послышался стук когтей по паркету.

— Крак! — крикнул попугай. — Крак!

В дверях появился Крак — большой серый дог.

Он внимательно оглядел комнату, стараясь не смотреть на попугая, от которого у него рябило в глазах.

— Крак!

Тело дога вытянулось, как от удара.

— Крак! Крак! — повторял попугай и шумно хлопал крыльями.
Крак думал: его имя мог называть хозяин — он добр; хозяйка — она ласкова; сын хозяина — он мал. Но птица? Нет!
Крак повернулся и вышел из комнаты.
— Крак! Крак! — звал его попугай.
Но дог больше не показывался.

У РУЧЬЯ

Когда я был маленький, в Гиссарских предгорьях было много джейранов.
Однажды я ушёл далеко от дома и играл один у ручья. Я надел на голову целую шапку зелёных листьев, обвязал себя длинной травой, срезал тростинку, прочистил её и стал в неё дуть, как в дудочку.

Звук у дудочки негромкий, но ясный. И вдруг из-за скалы показался джейран. Маленький, с длинными ушами и короткими загнутыми рожками. Под его острыми копытами осыпался песок.

Была весна. Вокруг цвели маки, летали бабочки, раскачивались зелёные ветки. Джейран поднял голову на высокой шее и поглядел мне в глаза. Я чувствовал, как ветерок шевелит листья на моей голове.

С тех пор прошло много лет. А я до сих пор помню этот день и час, когда джейран в Гиссарских предгорьях пришёл без опаски послушать мою дудочку.

ВЕРТОЛЁТ

Гульчехра, маленькая дочка пастуха Камила, заболела летом в горах. Об этом сообщили по радио в город. И на пастбище прилетел вертолёт. Он опустился рядом с юртой. Лошади отошли подальше в луга и смотрели издали на странную птицу, у которой сверкающие перья крутятся на спине вместо крыльев.

Когда Гульчехра выздоровела, Камил повёз дочку домой, в горы. Он шёл по дороге пешком и вёл за собой белую лошадь. На лошади в кожаном мягком седле сидела похудевшая Гульчехра и улыбалась встречным людям.

— Вот, — говорил Камил, — туда летели по воздуху, а обратно идём по земле.

Высоко над деревьями пролетел вертолёт, Камил и Гульчехра помахали ему вслед. А белая лошадь кивнула головой и встряхнула гривой.

КОМПАС

У лётчика Сафара есть компас. Он никогда с ним не расстаётся. Компас в чёрном металлическом корпусе на кожаном ремешке.

Сафар привёз этот компас с войны. И всегда берёт его с собой, когда улетает на вертолёте. По компасу он находит в небе прямую дорогу домой.

— Всё изменяется вокруг, — говорит Сафар. — Я сверху вижу: там новый город появился, там канал. А мой компас указывает мне всегда один и тот же путь.

В начале марта Сафар летел над Белым перевалом. В горах ещё держался снег. Но весна была в разгаре. Сафару казалось, что шум мотора сливается с шумом воды. И вдруг он увидел, как, обгоняя его, чуть выше машины летят птичьи стаи. Они летели как будто по компасу той же верной дорогой в родные города и селения.

ВСТРЕЧА

Камил шёл по узкой, высокой дамбе. Справа, под насыпью, сверкал на солнце канал, слева расстилались затопленные водой рисовые поля. Он прошёл уже половину пути от лесного хозяйства к предгорью, когда увидел издали, что ему навстречу быстро движется какое-то странное животное с большой головой.

«Кабан!» — подумал Камил.

Поворачивать назад было поздно: кабан летит, как торпеда. Глаза маленькие, подслеповатые. Широкие уши ловят каждый шорох. Жёлтые клыки торчат. Всё, что встречается ему на пути, он готов растоптать, пропороть, сбить с ног.

В руках у Камила была тоненькая кизиловая палочка. Зверь давно почуял, что кто-то идёт ему навстречу. Он хрипло и зло хрюкал. Уже был виден его бурый загривок.

Камил знал, что разъярённый кабан страшен. Но он знал также, что кабан неповоротлив и слеп в своей ярости.

Камил остановился. Зверь приблизился к нему на такое расстояние, что стало слышно его сопение. В шерсти кабана застряли сухие листья, с клыков обрывалась на бегу жёлтая пена. Вот-вот он бросится на человека. И тогда Камил сделал шаг в сторону и ступил на склон дамбы. Кабан пронёсся мимо, как паровоз по рельсам.

Всё это произошло в одну секунду. Но Камил всё же успел хлопнуть кабана по хвосту своей кизиловой палочкой. Кабан взвизгнул от обиды, но ни остановиться, ни повернуться не мог. Так и бежал сломя голову до самого лесного хозяйства. А Камил поднялся на дамбу и пошёл по дороге в предгорье.

ВОЗВРАЩЕНИЕ МОРЯ

В густой белой пыли целый год трудились экскаваторщики, шофёры, каменщики, инженеры. Вырыли в горячей степи огромный котлован и подвели к нему бетонную ниточку канала.

И потекла вода, серенькая, мелкая, тихая, по узкому руслу в огромную пересохшую чашу. Казалось, что эту чашу наполнить нельзя. Но вода об этом не думала. Она трудилась и утром, и днём, и вечером, и ночью.

Сначала на дне котлована капли свёртывались в пыльные шарики, но потом пыль опустилась на дно, а тысячи и тысячи капель соединились вместе. Вода постепенно заполняла котлован.

Экскаваторщики и шофёры уехали на другую стройку. А в белом домике на краю котлована остался смотритель воды. Он каждое утро измерял длинной белой рейкой с красными цифрами высоту воды и записывал числа в тетрадку.

— Скоро здесь будет море, — говорил он. — И тогда сюда вернутся люди. Они построят рыбный совхоз. Ко мне приедут мои дети, и все мы будем жить вместе.

А вокруг была пыльная горячая степь. И ничего похожего на море. Только вода в котловане всё прибывала и, странное дело, меняла свой цвет. То она была цвета дна — серая, жёлтая, сухая. А теперь в ней стал пробиваться цвет неба.

Весной из города в стеклянных аквариумах привезли и выпустили в водохранилище рыбную молодь.

Но самое удивительное и важное событие произошло осенью. Смотритель выглянул из окна белого домика и увидел в небе чайку.

Как она попала сюда, он не знал. Но чайка летела над синей водой, спускаясь к волнам, поднимаясь к тучам, как будто кто-то махал смотрителю белым платком.

Он выбежал на берег, поднял руки и закричал:

— Море! Теперь это настоящее море!

ЧЬЯ ЭТО СОБАКА?

Мы сидели в станционном скверике на скамейке под акациями. Откуда ни возьмись, прибежала маленькая собака и стала скакать перед нами.

— Какая прелесть! — сказала мама.

Папа посмотрел сверху, из-за края газеты, которую он читал, и прибавил:

— Такие собачки всегда бывают на станциях во время пересадки.

— А как её зовут? — спросил я.

— Ну как, — ответил папа и опустил газету, — обыкновенно. Жучка, например. Жучка!

Собака встала на задние лапы, передние прижала к груди и затанцевала, глядя поочерёдно то на меня, то на папу, то на маму.

Мама раскрыла сумку и угостила Жучку сухариком. Не отказалась Жучка и от огурчика, и от печёной картошки, и, что самое удивительное, от конфет в бумажках.

Она разворачивала их носом и лапами, катала по земле, чтобы они почистились, и потом глотала целиком.

За две минуты мы так подружились, что решили взять её с собой.

Папа сказал:

— Прекрасно! Надеюсь, что она полюбит вас так же нежно.

В скверике торговали газированной водой. Я взял у мамы гривенник, и Жучка побежала за мной.

Мне хватило полстакана воды с сиропом, а остальное я вылил в консервную банку, которая нашлась у продавщицы. Жучка пила воду и облизывалась. А продавщица в белом халате сказала:

— Пей — не хочу! Ещё дать?

Я купил на оставшиеся деньги ещё стакан воды для Жучки. Она лакала с перерывами до дна, потом два раза чихнула.

— На здоровье! — сказала продавщица в белом халате.

Папа ушёл в кассу за билетами, мама — в магазин за покупками. А я свою порцию мороженого разделил пополам с Жучкой. Незнакомая старушка с зеленью в корзинке остановилась перед нами и сказала:

— Ты чего её мороженым с толку сбиваешь?

— Да ведь жарко! — говорю я.

Жучка встала перед старушкой на задние лапы. Та покачала головой и ушла.

Съели мы с Жучкой мороженое и стали дрожать. Замерзли.

— Давай, — говорю, — бегай! Согреемся.

Взял я палочку, бросил её на десять шагов вперёд. Жучка кинулась, подняла её и принесла мне.

Бросил я палочку на пятнадцать шагов вперёд, чуть не разбил окно в магазине, но Жучка перепрыгнула через ограду, нашла палочку в клумбе и принесла мне.

Так мы бегали и прыгали, пока не согрелись. Жучка побежала к фонтану на площади, но тут вышла мама из магазина и позвала нас под акации.

И вдруг Жучка пропала. Я её искал, и меня искали, а потом мы звали её вместе с мамой и прохожих останавливали — нигде Жучки не было, никто её не видел.

— Это была ваша собака? — спрашивали нас.

— Наша, — говорил я.

— Не наша, — говорила мама. — Мы её здесь нашли.

Никогда мы её больше не увидим!

Папа разыскал нас на другом конце станции возле семафора. Мы ему рассказали, как Жучка пропала, а он нас успокоил:

— Погодите, она найдётся.

Пришли мы в камеру хранения за багажом, смотрим — Жучка сидит возле девочки с жёлтым бантом.

Я кричу:

— Это моя собака!

А девочка ревет:

— Моя собачка!

— Жучка! — кричу я.

— Шарик! — кричит она.

Тут подошла девочкина мама и громко сказала:

— Нехорошо обижать маленьких. Эту собачку зовут Шарик. Мы её здесь нашли и берём с собой.

— Мы её тоже нашли, — сказал я.

Но моя мама увела меня за руку. Она посадила меня на скамейку, где папа читал газету, и сказала:

— Просто собачка раздумала ехать с нами. Она остаётся.

Чтобы забыть про Жучку, мы немного погуляли. Купили свежую газету для папы и встретили поезд из Николаева. В воздухе пахло дымом, а грохот стоял такой, что перрон чуть не дрожал под ногами.

Возвращаемся, а девочка с жёлтым бантом плачет, заливаясь:

— Шарик пропал!

— Так тебе и надо! — сказал я. — Не сманивай чужих собак!

Но мама молча увела меня за руку.

И вдруг мы видим, что возле гипсовой вазы с цветами наша собачка подаёт лапу мальчику с бутербродом. Мы к нему — собачка к нам. Он в слёзы, кричит:

— Дружок! Дружок!

— Это не Дружок, а Жучка, — говорю я и тяну её к себе за лапы.

— Это не Жучка, а Шарик! — вопит над ухом жёлтый бант и тянет собаку за шею к себе.

Мы так все кричали, что никто ничего не понимал. Взрослые объясняли друг другу, как всё было.

Шёл мимо здешний школьник с портфелем, увидел нашу собачку, посвистел — и она к нему со всех ног кинулась.

— Чья это собака? — спросили мы все трое.

— Это всехняя собачка, — ответил здешний школьник и потрепал её по морде.

А собака сидела между нами, глядела на всех и улыбалась.

ГОСТЬ ИЗ ПУСТЫНИ

1

Митя проснулся и открыл глаза.

И сразу стало слышно, как бабушка накрывает стол для завтрака.

Сквозь стёкла закрытых на зиму окон прямо в лицо ударили солнечные лучи. Митя зажмурился, а сон уже оборвался. Он старался вспомнить, что ему снилось?

Вчера папа ездил в степь на охоту. Вернулся поздно, когда Митя уже спал.

Бабушка заглянула в комнату и сказала:

— Митенька, тут к тебе новый знакомый пришёл!

Митя не стал спрашивать, что за новый знакомый такой. Только сказал сердито:

— Никогда не разбудят сразу!

Проспать до позднего утра, когда там кто-то новый! Он быстро оделся, пригладил волосы и бросился к двери.

Митя распахнул дверь и застыл на пороге.

Возле дивана лежала коричневая вислоухая охотничья собака Найда. Она и ухом не повела, даже не взглянула на Митю, когда он появился в комнате.

Найда вообще его не признавала. И Митя старался подавать ей команды в удобное время. Когда Найда сидела, он кричал ей: «Сидеть!» Когда она лежала, он приказывал ей: «Лежать!» Найда смотрела на него насмешливо, не мигая.

Наконец появилась бабушка с чайным полотенцем на плече. Она вытирала большую синюю кружку, в которую всегда утром наливала молоко для Мити.

— Иди умывайся, Митя, и садись завтракать.

Митя в два прыжка оказался возле Найды и сел на неё верхом. Найда заворчала и стала бить хвостом об пол. Митя дал ей встать и опять уселся на спину.

Найда провезла его два шага по комнате и сбросила на пол.

— Где новый? — кричал Митя, падая под стол.

Найда открыла дверь лапой и спокойно ушла на кухню.

— Ничего с ним не случится, подождёт, — ответила бабушка. — Садись к столу. Да где ты там?

Митя сидел под столом и думал: «Кто подождёт? Может быть, папа привёз с охоты волка?»

— А он в клетке? — спросил Митя.

Бабушка засмеялась.

— Нет, — ответила она, — откуда ж у нас клетка?

Бабушка сняла замок с дверей сарая и позвала Митю:

— Входи, не бойся!

В тёмном сарае без окон слышался шорох и лёгкий стук. Митя заглянул в открытую дверь.

Там стоял *он* на тонких ножках, повернув голову на высокой шее и глядя на незнакомых людей доверчиво и строго. Джейран с острыми прутиками-рожками был похож на вишнёвое деревце, выросшее в тугаях Яз-Яванской степи.

— Я так и знал! — сказал Митя.

Хотя он до самой этой минуты не знал, кого папа привёз с охоты.

Он сорвал с головы шапку и бросил её в потолок. Джейран метнулся, как от коршуна, и прижался к неровной стенке саксаула, сложенного в сарае.

— Да что ты? — сказала бабушка. — Всех перепугал! Смотри, это наш гость из пустыни... Надень шапку!

4

На дворе был лёгкий морозец. Бабушка разрешила выпустить джейрана из сарая.

Поглядеть на джейрана пришли соседские дети. Но близко не подходили.

Хасан Ганиев молча сидел на дувале, поджав ноги. А Катя стояла на пожарном ящике и спрашивала:

— Митя, он ручной?

— Он дикий, — ответил Митя.

— А как его зовут? — спросила Катя.

Он взглянул на джейрана, на его прутики-рожки и вдруг сказал:

— Дружка!

Джейран, который до этого кружил по двору, то принохиваясь к воздуху, то трогая копытцем землю, остановился и посмотрел на Митю. Он кивнул ему, качнув рожками, как будто откликнулся на своё имя.

5

Охотники нашли джейрана случайно.

Козлёнок сорвался в каменный карьер, откуда не мог выбраться.

Пришлось завернуть его в брезент и вытаскивать с помощью канатов и ремней.

Джейран был испуганный, голодный — неизвестно, сколько времени он провёл на дне сухого тёмного рва.

Ему дали воды из фляжки, накормили.

Но он не отходил от машины, от людей, только косился на собак, которых держали на привязи.

А нашла его Найда и привела за собой охотников к каменному карьеру, мимо которого они ехали после неудачной охоты на волка.

— Пусть поживёт у нас, — сказал Алексей Иванович, отец Мити. — А весной отвезём его в заповедник.

— Смотри! — сказал егерь Куванов.

Он не любил, когда диких животных брали в дом. «Лучше уж зверю быть в заповеднике», — говорил он.

6

Митя стоял у высокого глиняного очага, на котором соседка, тётя Ойниса, готовит еду.

— Дружка! — окликнул Митя джейрана.

Джейран повернулся, склонил рожки и бросился на него.

Митя от страха спрятался за очаг.

Мелькнуло в воздухе сильное тело джейрана. Он перепрыгнул через очаг, повернулся и снова направил свои рожки на Митю.

Митя успел перебежать на другую сторону очага и снова увидел, как над самой его головой промелькнул джейран.

И вдруг где-то за спиной хлопнула дверь.

Дружка метнулся в сторону.

Это Найда бросилась вперёд.

Митя закричал и побежал вслед за джейраном.

Но Найда опередила Митю, в два прыжка догнала джейрана и схватила его зубами за тонкую ножку.

Дружка упал на грудь и, заломив голову, глядел на жёлтые длинные клыки собаки.

— А!.. А!.. — кричал Митя, и голос его дрожал.

Он свалился на собаку и стал колотить её изо всех сил.

Найда ушла на согнутых ногах, боком, спрятав хвост и оглядываясь.

Митя присел возле Дружки и гладил его тёмную густую шерсть. Дружка вытянул мордочку к переломленной ноге и языком слизывал кровь.

7

Дружку принесли домой.

Бабушка приложила тонкие палочки к его ножке и крепко перебинтовала. И схватилась за сердце — так она переволновалась.

Найда забилась под тахту и не показывалась.

И тут пришёл пожарник Терентий. Так называет его бабушка. Они родом из одного города, где жили когда-то, ещё до войны. Да и соседи к тому же.

«Я знаю, где раки зимуют», — любит говорить Терентий. Так всегда говорят взрослые, когда хотят показать, что они много знают.

Вот он пришёл, сел в кресло на террасе и смотрит на джейрана.

— Горе-то какое, Терентий, — говорит ему бабушка. — Не углядела я. Найда чуть не загрызла козлёнка.

Терентий закурил и поперхнулся от махорочного дыма.

— И что это вздумалось Алексею везти домой джейрана? — удивился Терентий. — Что у нас тут, Аскания-Нова, что ли?

Он весь был окутан чёрным дымом.

Митя ждал, когда Терентий уйдёт. Но он не уходил.

— А Найда что? — продолжал Терентий. — Охотничья собака, что дома, что в степи, — всюду охотничья собака...

Джейран свернулся калачиком, лежал тихо, только кончики ушей подрагивали.

Митя взглянул на Терентия. Но Терентий как-то весь расплылся и стал одним тёмным пятном. Митя заморгал часто, и ему стало жаль папу, Дружку и ещё кого-то.

— Не плачь! — сказала бабушка. — Что ж теперь делать?

Митя бросился вон из комнаты.

8

Митя бежал по улице. Из-под ног брызгами взлетал мокрый снег. Жёлтые глиняные мокрые дувалы, прохожие, мокрые деревья, синие спицы высокой арбы, грузовые и легковые машины — всё мелькало перед глазами. Он забыл надеть шапку, и его прохватывал холодный, сырой ветер.

Дружка! Дружка! Найда нашла его в пустыне и чуть не погубила дома!..

Проехала машина, другая, сигналила на поворотах и сверкая стёклами и водяными крыльями. И никто не догадается взять Митю. Все спешат по своим делам, и ни у кого нет такого спешного дела, какое теперь было у него одного.

Дружка! Дружка! Терентий... Зачем пришёл Терентий?

Митя вбежал в дом со стеклянной крышей на углу Авиационной улицы и поднялся по лестнице. Инженер из конструкторского бюро разбирал чертежи, когда вбежал Митя и закричал:

— Скорее! — и протянул к отцу руки.

Все повскакали с мест, окружили его. Кто-то взглянул на лестницу. Митя, путаясь в словах, рассказал о случившемся.

— Джейран? Найда? Терентий? — переспросил отец. И сказал: — Едем!

Возвращались на машине. По самой середине дороги пролетали мимо сырых дувалов, мимо набухших талов и таинственных вишен с тонкими прутиками-рожками. Скорее, скорее домой!

Папа прогнал Терентия. Когда мама пришла с работы, она сказала:

— И правильно сделал!

9

Дружка скоро поправился.

Больше всех он привязался к бабушке. Брал хлеб у неё из рук. Ножка зажила, и повязку сняли.

Митя принёс из кухни щепотку соли на ладони и протянул Дружке.

— На, — сказал он, — ешь, Дружка!
И Дружка слизывал соль с ладони Мити.
Так они подружились.
Найда подошла к Мите и, чего никогда прежде не было, подала ему лапу.

10

Приближалась настоящая весна, с горячими днями и чистым небом. Дувалы просохли, и деревья зазеленели.

Хасан сидел на глиняном айване в глубине двора и пел песню. Он длинно тянул окончания слов. Митя присел рядом с ним. Он не мог разобрать слов странной песни. Хасан был старше Мити и уже учился в школе.

— Что ты поёшь? — спросил Митя.

— Так, — ответил Хасан. — Это старая песня. Отец сказал: джейрана весной надо в степь отпустить...

И Хасан снова запел. Митя молчал. Ему не хотелось говорить об этом. И он снова спросил:

— Что ты поёшь? Расскажи...

— Это песня такая, — ответил Хасан. — Я не умею рассказывать. Там говорится про журавля. Ой-ой-ой, прилетел журавль. Я возьму камышинку, сделаю дудочку и буду петь: прилетел журавль. Я пойду к реке на остров и буду петь о том, что прилетел журавль. Где он был зимой, я не знаю, а теперь он вернулся к нам. Пой, моя дудочка, пой! Нравится тебе?

— Это же не песня, а просто так ты рассказал.

— Ну, я спою ещё раз, хочешь?

— Спою...

Хасан снова запел. А Митя представлял себе, как прилетел журавль куда-то на остров и где он был зимой. Мите было грустно, а песня была весёлая. Хасан растягивал окончания слов.

За обедом Митя сидел скучный, ел мало, всё хотел спросить, что будет с Дружкой, а не решался.

И вдруг отец сказал:

— Весна! Теперь джейраны уходят в пустыню.

Он говорил, ни к кому в особенности не обращаясь, но все посмотрели на Митю.

— Не отдам Дружку, — буркнул Митя и стал сползать со стула.

11

Ночью Митя спал плохо. Ему снился странный сон.

Джейран шёл по степи один среди маков, травы и звёзд.

И чей-то знакомый голос, растягивающий окончания слов, пел старую и знакомую песенку:

— Я возьму камышинку.

Сделаю дудочку...

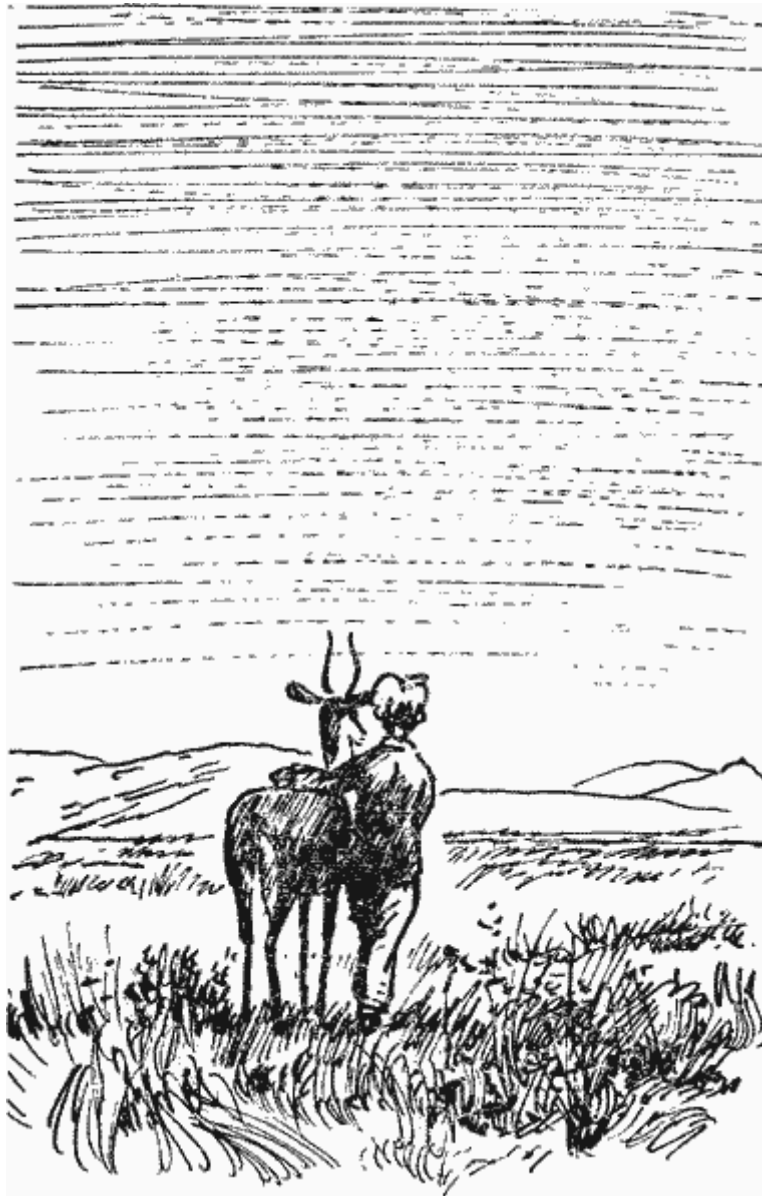
Это звонит будильник. Все в доме уже на ногах. Во дворе стоит машина, и отец смеётся, глядя на Митю.

— Вставай! — кричит он. — Поедем провожать Дружку. Пора!

В степи была уже настоящая весна.

В зарослях звенели чирки, на каменных осыпях перекликались кеклики. Низко пролетали утки над скрытой в ивняке водой.

Земля просвечивала сквозь первую поросль коричневым загаром. Погода установилась надолго. Широко раскинулись заповедные золотые пески пустыни.

Митя уходил всё дальше от машин, где остались охотники с ружьями и собаки. Он обнял руками Дружку за шею. Джейран шёл с ним рядом, ровно перебирал ногами, прислушивался к степным тревожным запахам.

Горьковатым медком дышала поверх всех трав мята, остро щекотала ноздри вкрадчивым запахом полынь.

Настойчивым движением Дружка высвободился из рук Мити и шагнул в степь.

Митя отступил назад.

Где-то далеко за спиной лаяли собаки и слышались голоса охотников.

И вот он мелькнул за невысоким кустарником, гость из Яз-Явана, похожий на дикое вишнёвое деревце с острыми прутиками-рожками.

— Митя-а! Митя-а! — кричали издалека.
А Митя всё стоял и смотрел вперёд, в широкий и чистый простор весенней степи.

Я ХОЧУ ВИДЕТЬ УКРОТИТЕЛЯ

1

Неподалёку от нашего дома, на улице Южной, был зоосад. Я пропадал в нём целыми днями.

То, что я видел, казалось мне удивительным.

Орёл сидел на белом камне, надвинув на себя чёрные крылья, как бурку.

Волк ходил из угла в угол в своей сумрачной клетке, как будто он что-то забыл и никак не может вспомнить.

Пасть у бегемота открывалась, как саквож. А губы у него были живые, розовые, нежные.

В научной библиотеке зоосада работал мой дядя, и меня к нему пускали в любое время. Хотя я ещё не умел читать как следует, я помогал ему расставлять на полках книги. Больше всего мне нравились басни с картинками.

Дома, просыпаясь, я слышал, как кричат павлины и обезьяны. Их голоса очень схожи.

А засыпая, слышал плач шакалов и рыканье льва — дикие звуки пустыни.

2

— Ты кто такой и зачем сюда ходишь каждый день? — спросил меня молодой нестрогий человек в светло-синем халате.

— Я здесь живу, рядом, — ответил я.

Он посмотрел на меня внимательно. Видно, ему хотелось поговорить с кем-нибудь не по делу, а просто так.

— Тебе что, нравится здесь? — спросил он.

— Нравится. Я привык.

— И я привыкаю...

Мы сели на скамейку возле бассейна с водоплавающей птицей. Здесь было прохладно, хотя и шумно. Утки-кряквы крякали, нырки ныряли...

Моего нового знакомого звали Сеня Зюкин. Он недавно вернулся из армии и собирался поступить в цирковое училище. А пока работал смотрителем у львов.

— Только фамилия у меня неподходящая, — сказал он. — Укротитель Сеня Зюкин! Смех... — Он посмотрел на меня своими спокойными зелёными глазами и спросил: — Вот твоя как фамилия, скажи?

Я сказал.

— Тоже не подходит, — задумчиво продолжал Сеня. — Я у всех спрашиваю. И всё не годится. Надо, чтобы звучало! Понимаешь? Это цирк!.. Про меня ещё, может быть, книжку напишут.

С тех пор я часто встречал Зюкина. Но не каждый день. Потому что он иногда болел. А болел он потому, что много закалялся и сильно простужался. Примет ледяной душ и заболит. Поправится и говорит:

— Видно, надо повторить.

— Он упрямый, — говорила про него Зоя Пухова из медпункта.

Ледяной душ помог. Кожа на спине и на груди у Сени стала такая жёсткая, как на руках, и теперь ему не страшны были ни солнце, ни холод.

— Закаляйся и ты, — сказал мне Сеня Зюкин. — Ты что будешь делать, когда вырастешь?

— Я, может, книжку про вас напишу, — ответил я.

— Ну-ну, — протянул Сеня. — Посмотрим...

Читать я учился сам по табличкам на вольерах. Увидишь льва — прочитаешь: лев; увидишь оленя — и прочитаешь: олень. Ещё лучше, чем по книге с картинками.

А Сеня Зюкин тем временем научился ходить на руках. Когда львица Дамаянти увидела, как он идёт по дорожке вверх ногами, она взяла своего львёнка за шиворот и утащила его в тёмный угол клетки и там спрятала за ящиками.

3

— Этого львёнка мы назовём Добряк! — сказал Сеня Зюкин.

Львёнок раскрыл пасть и попытался зарычать. Сеня сунул ему бутылку с молоком. Львёнок зажмурился и стал тянуть молоко через соску, цепляясь за горлышко и за рукав Сениного халата то одной, то другой лапой.

— Пей, пей, — говорил Сеня. — Расти большой и умный.

Добряк рос быстро.

Каждое утро Сеня водил его на прогулку по главной аллее. Иногда Добряк убегал вперёд.

Так было и на этот раз.

Я качался один на деревянных качелях. Время было раннее. В тени под деревьями дремала Ведьма, рыжая дворняжка. Днём она всё больше спала, а ночью ходила по всему зоосаду, за что её и прозвали Ведьмой.

Вдруг из-за поворота показался Добряк. Он заметил меня издали, бросился ко мне и полез на качели. Ведьма подняла голову и насторожилась. Я не знал, что мне делать. В кармане моей куртки были бутерброды, завернутые в бумагу. Добряк зацепил зубами свёрток и тянул его к себе.

Ведьма вскочила на ноги и зарычала. А Добряк уже навалился на меня своими тяжёлыми лапами.

— Сеня! — закричал я. — Сенечка!

Свёрток вывалился из моего кармана, и бутерброды рассыпались по земле.

Добряк, сильно качнув доску, спрыгнул с качелей. В ту же минуту Ведьма вцепилась зубами в его ухо. Добряк отбивался от неё, мяукал и рычал.

Теперь я испугался, что Добряк обидится на меня из-за этой Ведьмы. А подойти было страшно.

Сеня Зюкин бежал к нам, перепрыгивая через клумбы и размахивая руками. Ведьма сразу отпустила Добряка и зарычала на Сеню. Но он ей сказал:

— Ну знаешь! Это уж слишком! Ты моих львов не трогай!

Ведьма что-то проворчала в ответ и ушла в кусты.

— А ты чего испугался? — сказал мне Сеня. — Он же Добряк, мухи не обидит.

Добряк съел мои бутерброды и смотрел на меня, зажмурившись. Правое ухо, за которое его оттрепала Ведьма, слегка оттопыривалось.

— Да я-то ничего, — сказал я, собравшись с духом, — только у меня все пуговицы отлетели.

Пока Зоя Пухова пришивала пуговицы к моей куртке, Сеня рассказывал, какой номер он покажет на манеже.

— Я поднимусь с Добряком под купол цирка, — говорил Сеня. — Понимаешь?

— Понимаю, — ответил я.

— Нет, ты послушай! Я поставлю два самолёта на карусель. Мы с Добряком сядем в машины, а они — круг за кругом — будут подниматься выше и выше!

Я ещё никогда не видел Сеню Зюкина таким. Он поднял правую руку, как бы приветствуя публику.

— Представьте! — продолжал Сеня, обращаясь ко мне и к Зое. — Цирк полон. У кассы, возле которой толпятся люди, висит объявление: «Билетов нет».

Зоя Пухова, опустив на колени мою куртку, молча и внимательно смотрела на Сеню.

— Но я хочу видеть укротителя! — сказала Зоя Пухова.

— Я тоже хочу видеть укротителя! — сказал я.

Сеня засмеялся.

— Это и есть настоящий цирк, когда все хотят видеть укротителя...

Он вздохнул.

Он всегда вздыхал, когда говорил о цирке. Это была его мечта — цирк, зажжённые огни, толпа у входа.

И Добряк на арене.

— Да, друзья, — сказал Сеня Зюкин, — на свете есть тысяча дорог. Но где-то на перекрёстке сверкает огнями цирк. И мы с вами непременно встретимся, если вы к тому времени не забудете Добряка с улицы Южной.

Добряк зарычал и ударил себя хвостом по бокам.

Сеня Зюкин сидел на солнышке возле клетки Добряка, завтракал и читал учебник алгебры. Он готовился к экзаменам. Алгебра давалась ему нелегко. Гораздо легче было управляться со львами.

Добряк смотрел на Сеню и вздыхал. Сеня не обращал на него внимания. Тогда Добряк зарычал. Сеня удивлённо поднял глаза. Лев подошёл к решётке и подставил ему свою большую рыжую голову. Правое ухо у него слегка оттопыривалось.

— Не даёшь заниматься! — сказал Сеня и почесал ему за ухом карандашиком.

Добряк закрыл глаза от удовольствия: от Сени пахло хлебом и молоком.

Когда Сеня начал работать в зоосаду, он курил. Но привычку эту скоро бросил, потому что Добряк не выносил табачного запаха. Он отворачивался, закрывал глаза лапами и даже кашлял. От дыма у него кружилась голова. И вообще он не доверял человеку, у которого изо рта идёт дым.

— Добряк прав! Что я, в самом деле, дракон, что ли, чтобы дым изрыгать, — сказал однажды Сеня и решительно забросил пачку папирос в мусорный ящик.

Сеня внёс в клетку Добряка лестницу и влез на неё, чтобы вычистить верхние брусья. А свой учебник положил на нижнюю ступеньку.

Добряк попробовал лапами, крепкая ли это лестница.

— Ничего, — сказал Сеня, — лестница крепкая, выдержит!

Добряк поднялся на одну ступеньку, потом — на вторую...

И вот Сеня Зюкин стоит на верху лестницы, а Добряк карабкается к нему по ступенькам. В зубах он держит учебник алгебры.

5

Повадилась Ведьма ходить на виноградник.

Вся морда у неё, и грудь, и лапы перепачканы виноградным соком.

— Ах, Ведьма, — говорит Сеня Зюкин, — опять ночью на виноградник летала?

А Ведьма возле него прыгает, скачет. Весёлая такая Ведьма!

И вдруг она загрустила, перестала есть, пить. Целый день только скулит и лает. Задремлет — и залает, проснётся — и заскулит. Никто не мог понять, что с ней случилось.

Сеня привёл доктора Тарантьева.

— Зверя надо понимать, — объяснял мне Сеня. — Он ведь сам сказать ничего не может. А Тарантьев понимает. Он, может быть, и есть самый лучший укротитель. Да-веча у слона из хобота занозу вытащил. И слон стоял перед ним как миленький. Вот у кого учиться надо.

Тарантьев посмотрел на собаку, на то, как она щёку на лапу укладывает, и сказал:

— Это у неё зуб болит. Ну-ка, Ведьма, раскрой пасть!

Он взял Ведьмину голову, заглянул ей в пасть и добавил:

— Так и есть. Поранила десну какой-то колючкой. Всё виноград не даёт ей покоя. Пойдём, Ведьма!

Ведьма вздохнула и поплелась за доктором Тарантьевым. У него в зоосаду была своя лечебница для зверей.

Рану залечили. Но на виноградник Ведьма больше не летала: боялась колючек.

6

— Ой, Сенечка! Говорят, кабан из вольера убежал! — крикнула Зоя Пухова.

— Как это убежал? — удивился Сеня. — Этого не может быть.

— Говорят, убежал. В орешнике хрюкает.

— Показалось, — сказал Сеня.

Но всё же он побежал к кабаньему вольеру. И мы с Зоей бросились за ним.

Чёрный кабан с продольными полосами на спине преспокойно лежал в тени возле кормушки в своём загоне.

— Ну вот! — сказал Сеня. — Что я говорил?

В это время у нас за спиной раздалось хриплое кабанье хрюканье.

— Слышишь? — сказала Зоя Пухова и вцепилась в Сенин рукав.

— Слышу, — ответил Сеня и поднял голову.

Хрюканье раздавалось откуда-то сверху.

— Ты когда-нибудь слышала, чтобы кабан на дереве хрюкал? — спросил Сеня.

— Нет, — ответила Зоя.

— Послушай.

Хрюканье перелетало с места на место. Мы смотрели на деревья и вдруг увидели, что прямо перед нами на ветке сидит большой скворец.

«Хрюк-хрюк, — сказал скворец и поглядел сверху на Сеню, на Зою Пухову и на меня. — Хрюк-хрюк!»

— Молодец! — похвалил его Сеня. — Покажи нам теперь, что ты ещё умеешь?

«Ха-ха-ха!» — скрипучим голосом прокричал скворец и полетел над деревьями.

— Шутник, — сказала Зоя Пухова, держа Сеню за руку.

— Как клоун! — с восхищением заметил Сеня.

Заслонив глаза от солнца, он с улыбкой глядел на улетающего скворца.

Сеня Зюкин умел играть на губной гармошке.

У него была песенка про Добряка, и он её пел на свой лад, подбирая по слуху мелодию.

Это была целая история в стихах и с музыкой, целый номер для циркового представления.

Начиналось всё с того, что лев будто бы убежал из цирка.

Прекрасный лев сбежал из цирка,
А где его искать?
Бегут пожарные по крыше,
А зверя нет нигде.

Тут, конечно, все вспоминают про укротителя и призывают его скорее:

— А где, скажите, укротитель?
— Он чай в буфете пьёт.
— Пусть он придёт сюда скорее
И нас спасёт от льва.

И приходит добродушный укротитель, внимательный ко всем.

И тут явился укротитель,
Спросил: — Что здесь за шум? —
И снял соломенную шляпу,
И сел на венский стул.

Сеня Зюкин замечательно изображал укротителя в новеньком костюме с платочком в верхнем кармане пиджака.

Достал сиреневый платочек,
Взмахнул своей рукой.
— Какая чудная погода,
На улице весна!

Все вокруг волнуются, кричат про льва, которого нет в клетке.

А все кричат: — Сбежал из цирка
Огромный страшный лев,
Стоят пожарные на крыше,
А зверя нет нигде!

Но это всё были напрасные страхи.

И укротитель рассмеялся,
Сказал: — Напрасный шум!
Мой верный лев везде со мною,
Он чай в буфете пьёт!

Сеня Зюкин готовил песенку про Укротителя и верного льва к приёмному экзамену в цирковое училище. И мы с Зоей Пуховой были её первыми слушателями.

8

Прошло много лет. Я учился в университете. Но жил по-прежнему на улице Южной.

Как-то я встретил Зою Пухову. Она сказала мне, что в зоосаду, как всегда летом, обновляют таблички на вольерах и на клетках, что работы много и нужны помощники.

У меня только что начались каникулы. Было много свободного времени, и я взялся писать таблички — какие звери где живут и чем питаются.

В зоосаду многое переменилось. Ведьмы уже никто не помнил. Качели давно убрали. Добряка взяли в другой город, откуда, говорят, он попал в цирк. В библиотеке, где когда-то работал мой дядя, я видел вырезку из вечерней газеты, где было напечатано несколько строчек о Добряке.

Зоя Пухова всё вспоминала Сеню Зюкина.

— Он цирковое училище окончил, — говорила она. — Добился своего. Может, ты его где увидишь или узнаешь что о нём, тогда скажи мне, не забудь. Я за него порадуюсь. Он-то, наверное, забыл меня.

Работал я в мастерской с художником. Он рисовал фигурку животного, а я писал печатными буквами текст. Два раза в день к нам приходил молодой научный работник Брагин. Он приносил тексты, напечатанные на пишущей машинке, и строго проверял нашу работу.

Однажды писали мы табличку для клетки с мартышкой. Художник нарисовал обезьянку и вышел покурить на свежем воздухе. А я стал писать текст, букву за буквой, строчку за строчкой. Написал и задумался.

Чего-то не хватало на табличке. Как-то она скучно выглядела.

Тогда я взял кисточку и нарисовал, как мог, очки на хвосте обезьянки. Сразу стало веселее. Мартышка и очки.

Как в басне Крылова.

Вечером, когда зоосад уже был закрыт для посетителей, мы с художником пошли к клетке, чтобы привинтить табличку.

Мартышка в это время чистила свою тарелочку, разглядывала её со всех сторон и не обращала на нас внимания.

Вдвоём мы перешли за барьер, отделяющий клетку от зрителей. Я достал из кармана винты и стал осторожно прикреплять табличку к деревянной перекладине.

В это время к нам подошёл Брагин.

— Что это такое? — воскликнул он, указывая на рисунок.

Художник удивился, вынул трубку изо рта и сказал:

— Это не моя работа.

Я молчал.

— Поймите, — сказал мне Брагин, — зоосад не имеет никакого отношения ни к басням, ни к сказкам, ни даже к цирку! Здесь изучают зоологию, так что басни тут ни при чём!

Мартышка бросила свою тарелочку, схватилась за голову и прыгнула на трапезию. Она раскачивалась и кричала что-то очень сердито.

— Она, кажется, с вами не согласна, — сказал я.

Брагин смутился. Он снял очки, сунул их в верхний карман пиджака.

— Осторожно! — сказал художник.

И в ту же секунду мартышка метнулась к решётчатой стенке и выхватила очки Брагина.

С криком и хохотом, размахивая очками, она взлетела на трапецию и стала кривляться, показывая зубы.

Брагин бросился искать зрителя.

— Брагин! — крикнул я ему вслед. — Вы только взгляните! Это же мартышка из басни.

Мы с художником пошли в нашу мастерскую, унося с собой злополучную табличку.

— Этого нарочно не придумашь, — говорил художник, раскуривая свою трубку. — Цирк! Настоящий цирк!

9

Однажды осенью я приехал в Ленинград. Вечером шёл по набережной реки Фонтанки и вдруг увидел перед собой старое здание ленинградского цирка.

Смеркалось. Низко над домами ползли серые тучи. А перед цирком ярко горели цветные фонари. Было очень людно, и многие спрашивали, нет ли у кого-нибудь лишнего билетика на представление.

И меня потянуло в цирк. Я подошёл к кассе и увидел объявление: «Билетов нет».

— Что вы! — сказала мне кассирша. — Билетов нет и не будет! Разве вы не знаете, что сегодня на манеже укротитель львов Александр Южный?

— Укротитель? — спросил я. — А льва как зовут?

— А льва зовут Добряк! — сказала кассирша и закрыла окошко.

Так вот оно что! Я посмотрел на афишу. На ней был изображён огромный лев. Правое ухо его слегка оттопыривалось...

На другой афише был нарисован Сеня Зюкин с губной гармошкой. Рядом со львом на взлётной площадке. Я сразу его узнал. У ног его стоял чемодан с цветными наклейками. А за спиной серебрилось крыло самолёта. А ещё была одна афиша, на которой, как в мультиках, были изображены укротитель и лев, мирно беседующие за чайным столом. И две нотные строки песенки Сени Зюкина...

Накрапывал дождик. В цирке зажигались огни. Народ толпился у входа. Я поднял воротник плаща, подошёл к уличному фонарю, достал записную книжку, вырвал из неё листок и написал: «Я хочу видеть укротителя!»

МИТРОХИН

1

У лесника Митрохина есть мотоцикл с коляской. Он ездит в нём по лесу и глядит, где что...

В коляске у него всё, что нужно для работы. А работа у него повсюду: там дерево надломилось, надо его поправить, иначе оно пропадёт; там скворечник надо поставить, чтобы птицам было где жить.

Однажды Митрохин привёз в коляске медвежонок. Он сидел испуганный и злощипый, но смирный. У него была обожжена лапа. Возле Алтын-Сая попал он в лесной пожар...

Митрохин стал его лечить. Даже в город ездил в ветеринарную больницу советоваться с врачом.

И выздоровел медвежонок. Стал по всему дому ходить, по двору. Выбрал себе место для жилья на чердаке. Тепло, сухо и далеко видно. И лестница есть. Понравилось медвежонок по ступенькам забираться на чердак. Смотрит сверху и всё замечает. Если кто-нибудь к воротам подходит, ворчит медвежонок: не нравится ему.

Приезжали из городского зоопарка, предлагали Митрохину:

— Продай медвежонок!

Он отказался.

— Мне, — говорит, — это ни к чему. Пускай в доме живёт.

Жена Митрохина вернулась к осени, говорит:

— Что такое! Медведь в доме! Не пушу!

А лесник посмеивается:

— Ничего! В тесноте, да не в обиде...

А тут медведица пришла. Стала медвежонок звать. Тот испугался, спрятался на чердак, слушает, что ему медведица говорит, только уши торчат. Митрохин ворота отворил, а сам вошёл в дом.

— От всех, — говорит, — оградил, а от родной матери нельзя.

Закурил махорочку, смотрит в окно. Медведица в воротах маячит. Один бок её густой шерстью зарос — память лесного пожара. Видно, потеряла она тогда своего медвежонок, а теперь разыскала, и он её сразу вспомнил.

Сполз медвежонок с лестницы, урчит, повизгивает. Подошёл к воротам. Поднялся во весь рост и обожжённой лапой машет. Лапа давно зажила, а как в лес идти, он опять о ней вспомнил.

— Ну, прощай, прощай! — сказал Митрохин.

И ушли медведи в лес.

Митрохин вышел во двор, закрыл ворота и стал чинить свой старый мотоцикл с коляской.

2

Было мне лет восемь. Митрохин сказал:

— Хочешь волчонка поглядеть?

— А где?

— Попроси у отца бинокль, тогда увидишь...

Ближе к вечеру мы пошли с Митрохиным через лесничество к скалам, откуда начинается спуск в долину. Залегли в кустах.

Митрохин говорит:

— Гляди в оба!

Быстро темнело. По небу бежали тучи. Наконец взошла луна.

— Волчье солнышко! — сказал Митрохин. — Сейчас объявятся.

И вот шевельнулись кусты далеко-далеко на скате. И на полянку выскочил щенок. Он покрутился на месте, почесал лапой за ухом и тявкнул. Я не слышал его голоса, но в бинокль видел ясно, как он скалит зубы.

Я протёр стёкла рукавом рубашки и снова приставил бинокль к глазам.

Рядом со щенком уже стояла волчица. Она загородила щенка и поглядела на меня. Её глаза вонзились в мой бинокль.

— Учюяла, — сказал Митрохин, наблюдая за волками в свою старенькую подзорную трубу, которую всегда носил с собой в кармане.

Волчонок валялся по земле, дурачился. Волчица рыкнула на него.

Он сразу сел на хвост, поднял уши и уставился на меня.

— Что она ему сказала? — спросил я.

— «Гляди в оба!» — ответил Митрохин.

Собаку свою, большого, косматого и доброго зверя, Митрохин называл Зорро.
— Защитник заповедника! — говорил он про него.

И действительно, Зорро отважно сражался против волков, когда они стали тревожить заповедник.

На теле защитника заповедника остались глубокие рубцы и шрамы, полученные в схватках с вожаком стаи.

Митрохин уважал Зорро.

И Зорро всегда шёл с ним рядом: и в лес, и в правление заповедника.

Даже директор разрешил Митрохину входить в его кабинет вместе с Зорро.

И пока Митрохин толковал с директором, никто не мог войти в кабинет, потому что у порога лежал защитник заповедника.

Он никогда не подавал голоса напрасно и был уверен в себе и в других.

Его душа была создана для больших и сильных чувств. Поэтому и в голосе Зорро слышались только радость или гнев.

И вдруг Зорро потерял спокойствие, стал суетливым, что так не шло к нему.

И какие-то новые ноты послышались в его голосе. Он как будто был чем-то смущён, растерян...

Зорро убежал в лес, возвращался, снова исчезал... И даже скулил под окнами.

Жена Митрохина сказала:

— Житья нету! Спать не могу из-за него...

И Митрохин посадил Зорро на цепь.

Зорро успокоился, как будто цепь снимала с него ответственность за то, что происходило в лесу.

А в лесу шла тайная охота, незаконная, неразрешённая.

Митрохин случайно увидел следы, нашёл один капкан, другой, сорвал сетку и страшно разволновался.

Сейчас же спустил с цепи Зорро.

Но это не помогло, потому что охотник был неуловимый.

И становился всё смелее и смелее, выхватывал из заповедника самых дорогих и редких зверей.

Однажды раздался страшный удар в ворота, и в калитку вломился наш Мишка с обрывком цепи на шее.

Значит, хотели его взять живьём и как-то изловчились накинуть ему цепь на шею. Цепь он оборвал, но обида осталась.

И пришёл он к Митрохину как бы с челобитной, чтобы его и от цепи, и от обидчика избавили.

Насилу совладал с грозным просителем Митрохин. Но цепь снял.

Мишка походил по двору, залез на чердак, а потом ушёл в лес.

Охоту Митрохин называл «похищением у природы».

— Это для чего же такое похищение у природы? — говорил он о тайном охотнике, браконьере. — Сегодня редкую птицу, завтра редкого зверька, послезавтра нашего медвежонка...

Он боялся погрешить против истины, но был уверен, что в лесу орудует кто-то из тех, кого Зорро привык считать своим.

— Нехорошо обманывать честного Зорро, — говорил старик Митрохин. — Ох, нехорошо!

Нехорошо обманывать Митрохина, думал я.

Митрохин всегда говорил правду.

5

Иногда в заповедник приезжал на попутной машине киномеханик Шумилин и привозил с собой аппарат на треножке и жестяные коробки с лентами.

Его здесь все знали и любили, потому что он однажды привёз картину, которая всем очень понравилась. Называлась она «Знак Зорро». Это была не цветная и не звуковая картина, но всё, что там происходило, было всем понятно.

Благородный рыцарь освобождал и спасал животных.

Шумилин сказал:

— На базе выбрал специально для заповедника.

Было это ещё в начале 30-х годов.

Кинопередвижка была большой редкостью.

Шумилина встречали, как волшебника.

Жена Митрохина сказала:

— К чему нам этот Зорро, у нас и свой есть... Рыцари! — И она взглянула на Митрохина. — А вот вы лучше привезли бы нам картину «Два друга, модель и подруга». Это было бы чудесно!

— Очень ценная лента была! — говорил Митрохин о старом фильме «Знак Зорро».

Но его интересовала новая кинохроника. И он всё спрашивал Шумилина, нет ли у него знакомого оператора хроники.

— Всё бы надо снять — и утреннюю зорьку, и вечернюю, и водопой, и луга, и жену мою Ангелину, как она, сердечная, тут живёт и мается...

А мне хотелось запечатлеть в памяти, как на хроникальной плёнке, самого Митрохина с его ружьишком за плечом, в ветхом плаще.

Он был великий, вечный работник на пользу заповедных лесов и полей, борющийся с похищениями у природы всеми силами, какие только у него были. И заповедник жил спокойно, пока по тропе с Зорро шёл старик Митрохин.

Мы уже миновали ореховую рощу, когда услышали рёв нашего Мишки.

Слышен был его голос, а самого Мишки нигде не было видно.

Он попал в капкан и жаловался всему лесу на свою беду.

— Стой! — скомандовал Митрохин.

Из глубины леса кто-то приближался к Мишкиному капкану.

Мы спрятались за корнями и замерли. Зорро был взъерошен и испуган.

Из глубины леса вышел кассир заповедника Решка в гражданской фуражке.

Он любил загадывать на счастье: «Орёл или решка», подбрасывая пятак в воздух.

Его и прозвали: «Решка».

Митрохин выскочил из укрытия, не помня себя от гнева, и крикнул:

— Ты что же делаешь, а?

Решка замер на мгновенье, потом оглянулся на Митрохина.

У него было другое лицо, не такое, как прежде.

— Тебя судить надо, — сказал Митрохин. — Предатель!

— Свидетелей у тебя нет, — ответил Решка.

— Бог свидетель! — закричал Митрохин и навёл на него своё ружьишко.

Решка хотел отвести ружьё, но, схватившись за ствол, уже не выпускал его из рук.

Он тянул и опрокидывал старика Митрохина. И уже падал в густые заросли орешника старик Митрохин, и плащ его беспомощно мотался по воздуху.

— Зорро! — крикнул Митрохин.

И Зорро вырвался из моих рук. С глухим рёвом, в котором смешивалось чувство обиды, гнева и боли, Зорро кинулся на помощь Митрохину.

7

Была у Митрохина лошадка. Звали её Волна. Очень озорная была лошадка.

В упряжке не ходила: рвалась в дышло. Под седлом тоже не ходила: закусывала удила.

Вполне была бесполезная лошадка.

Но красивая очень...

Серебристого цвета и с тёмной гривой, маленькими ушами и умными, чуть косящими глазами.

Она бегала за Митрохиным повсюду, опускала ему голову на плечо и ждала, не скажет ли он ей чего-нибудь.

И Митрохин говорил:

— Не балуй!

Но не баловать она никак не могла.

Такой у неё был бесполезный характер.

А может быть, чувствовала она, что Митрохин любит её неизвестно за что. Может быть, за одну красоту.

Летом Волнушка бродила по лесным полянам, щипала траву, а на зиму Митрохин собственноручно заготавливал сено для неё, ставил стожки возле дома. Работа была для Митрохина трудная, по старости лет, но он никогда не жаловался.

В тележку он Волну не запрягал, верхом не ездил.

Жена говорила Митрохину:

— Продай бы ты Волнушку, легче бы тебе было...

А Митрохин отмахивался:

— Кому она нужна?

И смеялся.

Однажды Волнушка перемахнула через плетень к соседу. Митрохин даже не успел сказать: «Не балуй!» А у соседа во дворе в беседке в это время проезжий человек сигарету курил. Увидел Волнушку, сигарету выронил и закричал:

— Откуда мне сие!

И почему он решил, что это ему?

Волнушка испугалась этого крика, перемахнула через изгородь и побежала к Митрохину, спряталась за его спину. Положила ему морду на плечо и ждёт, что дальше будет.

А соседский гость оказался городским жокеем с ипподрома. Прибежал он к Митрохину и говорит:

— Продай Волнушку! Ничего не пожалею...

Митрохин был рад, что городскому жокею его Волнушка так понравилась. Но продавать её никак не хотел.

Две недели ходил за ним жокей, просил, умолял, сердился, даже кричал на Митрохина:

— Погляди на себя! Как тебе одному с такой лошадкой управиться! Продай, и тебе польза будет!

— Как-нибудь, — отвечал Митрохин. — Как-нибудь...

И всё же сдался Митрохин. Жена уговорила. Осень подошла, надо было сено перевозить, а у Митрохина не было, как он говорит, силы времени. И увёл жокей Волнушку в город.

— Первый приз вам пришлю, — сказал он на прощание.

Митрохин ничего не ответил, а деньги за Волнушку завернул в газету и положил на подоконник в избе и строго приказал к ним не прикасаться, забыть, одним словом, про них.

Целую ночь Митрохин не спал. Курил трубочку на крыльце, смотрел на луну. И рассуждал сам с собой, что, пожалуй, он и не прав был, когда сказал, что нет у него силы времени. Теперь, как не стало во дворе Волнушки, ничего не хотелось делать.

И сила времени на него набежала, дразнит, спать не даёт. Пошёл Митрохин, разбудил жену и сказал:

— И зачем это я, старый дурак, тому жокею поддался? Скажи на милость...

А когда стало рассветать, увидел Митрохин свою Волнушку.

Бежит она по дороге, грива по ветру развеивается. Шея потная, подкова сбилась, а всё-таки ушла от жокея.

Домой вернулась.

Митрохин непогасшую трубочку сунул в карман и побежал свой мотоцикл заводить, чтобы тому жокею нетронутые деньги поскорее вернуть. Чёрт с ней, с пользой, пускай красота дома живёт.

В ДВУХ ШАГАХ ОТ ДОМА

Повести

НОВОСЕЛЬЕ

1

Мы ехали в Байрам, в городок на краю пустыни Каракумы.

Чтобы нам с мамой было не скучно, шофёр снял стекло из окошка в передней стенке фургона.

Шофёра звали Бахрам. Он вместе с отцом уже много лет служил в армии. И они хорошо знали друг друга.

И я тоже хорошо знал Бахрама. Он в дороге всегда пел. А я слушал.

Мой отец был военным инженером, и мы часто переезжали с места на место. Жили в военных городках, в пустыне, на берегу Каспийского моря, в горах Тянь-Шаня.

Я любил большие переезды, когда все вещи укладываются в машину. Мама устраивается рядом со мной в кузове фургона, а отец садится рядом с шофёром в кабину.

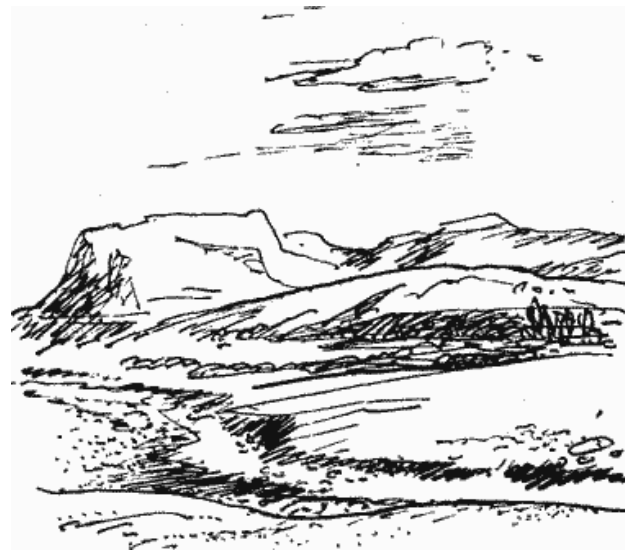
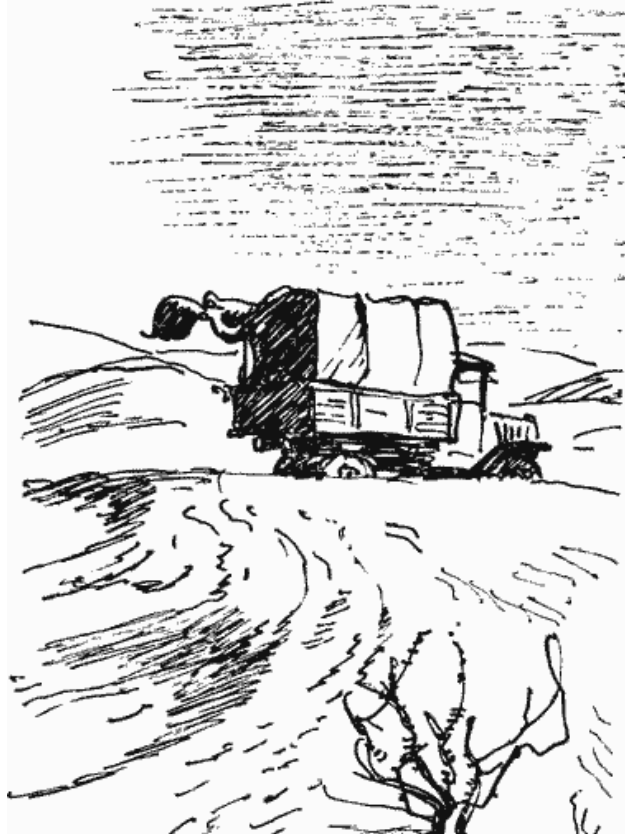
И — здравствуй, дорога!

Встречный ветер полощет брезент навеса. Наш фургон, в котором всегда оставалось много свободного места, переваливается через барханы, скачет по камням, ползёт по руслам высохших рек, останавливается на переездах у шлагбаумов.

Вот мама раскрыла дорожную сумку и передала отцу и Бахраму по яблоку.

— «Прекрасное яблоко! — запел Бахрам. — Яблочко упало с дерева и покатилося по дороге. И другие деревья укрыли его своей тенью...»

Бахрам пел удивительные песни в дороге. Яблоко, простое яблоко из дорожной сумки, а у него получилась песня. И я вспоминал деревья во дворе нашего прежнего дома.

2

Мы выехали на рассвете, когда все ещё спали. Только сосед Гришка пришёл проводить нас. Он привёл с собой Пушка, который зевал и дрожал от холода.

Мы с Гришкой учились в четвёртом классе и всю зиму изобретали порох. Однажды порох взорвался в бумажном пакете и выжег мне метку над глазом, искра попала прямо в бровь. Мама так перепугалась, что высыпала весь запас самодельного пороха в кадушку с дождевой водой, а потом сказала, что очень рада, что мы переезжаем на новое место, потому что там нет Гришки и я перестану выдумывать порох.

А мне было жаль пропавшего пороха. И с Гришкой расставаться не хотелось. Мы с ним славно проводили время. Порох изобретали, весной учили Пушка плавать, смотре-

ли кино под открытым небом — «Семеро смелых» или «Остров сокровищ». Если залезть на крышу гаража, то весь экран виден очень хорошо. И билетов покупать не надо.

Я был уверен, что Гришка станет когда-нибудь профессором, потому что он носил очки в роговой оправе и знал много такого, о чём я и понятия не имел.

Жаль только, что у Гришки отец был не военный, и поэтому они всегда жили на одном месте. Грустно всё-таки уезжать. Когда ещё найдутся новые знакомые, и какие они будут; тоже неизвестно. А Гришка славный мальчик. И Пушок тоже славный.

Ветер рванулся и затих.

Гришка и Пушок долго бежали за нашей машиной по утренней пустынной улице, и я махал им рукой и кричал:

— До свидания!

3

Машина у нас была старая, номер 17 — 28. Бахрам иногда прямо на ходу что-то в ней починял, держа руль одной левой рукой.

И машина пофыркивала, шла вперёд, как будто ничего другого ей и не надо было, только бы катить вот так через пески, без дороги, навстречу ветру.

Иногда она шла как-то боком или прыгала с бархана на бархан, громыхая крыльями. Только что сама не могла ходить следом за Бахрамом, а так она была вполне похожа на верного иноходца.

— Посмотрите на эту прекрасную машину 17 — 28, — говорил Бахрам. — Ей уже давно пора на капитальный ремонт, а она идёт по этим пескам, где нет дорог.

Когда мы взбирались на бархан, машина становилась на дыбы, и мы откатывались со всеми нашими вещами к задней стенке фургона, а когда машина прыгала с бархана вниз, мы прижимались к шофёрской кабине. Мама не выпускала из рук походной аптечки.

Бахрам был в восторге от своего «иноходца» и мчался по такырам — плоским и твёрдым участкам пустыни — с бешеной скоростью.

— Я люблю встречный ветер, — сказал отец, протирая платком защитные очки.

Встречный ветер далеко назад отгонял пыль, поднятую колёсами нашего фургона.

4

Мы уже часа два ехали через пески. И вдруг увидели человека под парусиновым зонтиком. Через плечо на ремне у него висел плоский фанерный ящик. Он поднял руку, и наш «иноходец» остановился перед ним как вкопанный. Даже слегка взбрыкнул задними колёсами.

— Добрый день, — сказал человек с зонтиком. — Подвезите меня, если нам по дороге.

— Все путешествующие — дети пустыни, — сказал нараспев Бахрам. — Мы едем в Байрам.

— Мне тоже нужно вернуться в Байрам, — сказал человек с зонтиком.

И мы взяли его с собой. Нашего нового знакомого звали Муравьёв. Он сложил зонтик и взобрался со своим фанерным ящиком в машину. Муравьёв был агроном из Байрама и собирал в песках цветы.

— Какие цветы? — удивились мы.

— Теперь весна, всё цветёт, — сказал Муравьёв. — Неужели вы не видите?

Он раскрыл свой фанерный ящик, и мы увидели под стеклом кругленькие маленькие цветы, узкие листочки, похожие на чешуйки.

— Растения пустыни, — с уважением сказал Муравьёв. — Вот это — злак селин, которым кормятся зайцы, а это — листочки песчаной акации, под которой ночуют тушканчики, а это — ветка астрагала...

— Где же вы всё это нашли?! — удивилась мама.

— В лесу, — ответил Муравьёв. — Сейчас мы его увидим. Минуточку! — И он сказал Бахраму: — Чуть-чуть левее.

Бахрам повернул налево. Отец взглянул на часы и не стал возражать. А я подумал: «Какой лес в пустыне? Всякий знает, что здесь нет никакого леса...»

Машина взобралась на бархан и остановилась. Мы выпрыгнули на песок.

5

И увидели саксауловую рощу. Из песка поднимались и переплетались друг с другом корявые сучья серого цвета. Издали они казались белыми.

Длинные витые тени падали на песок. Это был странный лес: без листьев, без настоящей тени. Я потрогал ветку саксаула. Она была твёрдой, как кость.

Зимой мы топили печку саксауловыми дровами. Но я ещё никогда не видел, как саксаул растёт в песках.

Песок в саксауловой роще был твёрдым и не осыпался под ногами.

Корни удерживали его прочно. Внизу, возле одного куста, трепетал прозрачный, как бы слюдяной, в узорах, чехол, застрявший между корнями.

— Змея проползла и сбросила старую кожу, — сказал Муравьёв.

Я думал, что мы и змею тут же увидим, но никаких змей вокруг не было.

Это меня очень огорчило.

Муравьёв и отец говорили о хлопке.

— Песок наступает на поля, — жаловался Муравьёв, — заносит хлопчатник.

Ветер усиливался, и верхушки барханов курились, песок маленькими облачками перелетал в воздухе. Но в саксауловом лесу песок был неподвижен, и ветер не мог его сдвинуть с места.

Вдали показался караван верблюдов, нагруженных тюками с хлопком.

Впереди ехал проводник на ослике, а рядом с ним красноармеец на лошади.

Они о чём-то между собой говорили.

Караван прошёл далеко от нас и скрылся за барханами. И показалось, что пустыня опустела.

6

Солнце приближалось к зениту. Серая пыль клубилась под колёсами. Фургон шёл, ныряя между барханами.

От жары все приумолкли. Муравьёв, откинув край парусинового тента, смотрел в пески.

А я всё думал о порохе, о саксауловых рощах, которые защищают хлопковые поля, о Байраме...

И вдруг мы услышали звуки флейты. Они лились откуда-то из-за бархана. Первой откликнулась мама. Она широко открыла глаза, посмотрела на нас с удивлением и сказала:

— Музыка! Вы слышите? Или мне это снится?

Бахрам выключил мотор, и машина остановилась в нерешительности. В самом деле, это была флейта. Но откуда и почему здесь музыка?

Мы вышли из машины и поднялись на гребень песчаного холма. И сразу увидели флейтиста. Он стоял внизу, под другим барханом. В белом чесучовом костюме, в круглой соломенной шляпе с чёрной лентой, с цветочком в петлице.

Флейтист играл, закрыв глаза. Чёрная флейта переливалась на солнце серебряными клавишами. Тень от бархана укрывала его полупрозрачной пеленой.

Мелодия, которую он играл, была грустная и протяжная.

Мы не сводили с него глаз. Когда он перестал играть, мама захлопала в ладоши. Флейтист открыл глаза, увидел нас, нисколько не удивился и раскланялся.

— Ария Орфея, — сказал он. — Из оперы Глюка.

Мы познакомились. Музыканта звали Герасим Утин. Он попросил, чтобы его называли просто Гера.

— Что вы тут делаете один в пустыне? — спросил отец.

Гера положил флейту в футляр. Он чувствовал себя в пустыне, как на сцене.

— Вы спрашиваете, что я тут делаю? — сказал он. — В настоящее время я репетирую свой номер, потому что имею обыкновение репетировать с десяти до одиннадцати, что бы ни случилось. Который теперь час?

— Одиннадцать, — сказал отец, взглянув на часы.

— Репетиция окончена, — сказал Гера. — Видите ли, я отстал от своей труппы и добираюсь до Байрама попутными машинами. А вы куда едете?

— Мы едем на новоселье! — ответил я.

7

Мне очень хотелось, чтобы Гера поехал с нами. Я даже забыл на время про порох, слушая его музыку.

— Это ваша машина? — спросил Гера, когда мы сошли с бархана и приблизились к нашему иноходцу 17 — 28.

Он оглядел машину, поморщился и сказал:

— Ну что ж, если нет другого транспорта, я согласен ехать с вами.

Голос у него был тонкий, но приятный.

Мне всё в нём казалось удивительным. Он сдул невидимую пылинку с отворота своего костюма.

И вдруг Муравьёв посмотрел на него пристально и сказал:

— Позвольте!

Агроном достал из кармана увеличительное стекло на длинной чёрной ручке.

Приблизился к флейтисту и навёл на него увеличительное стекло.

Гера немного смутился.

— Я привык, — сказал он, — что на меня смотрят в бинокль, но ещё никто не рассматривал меня в увеличительное стекло!

— Где вы это нашли? — спросил Муравьёв флейтиста, указывая на цветочек в его петлице.

— Ах, это? — успокоился Гера. — Это я нашёл вон там, — и он указал рукой налево. — Нет, скорее всего, я нашёл это вот там, — и он указал рукой направо. — Точно не припомню...

— Как! — воскликнул Муравьёв. — Вы даже не знаете, где нашли это сокровище! Инкарвиллея семиреченская, — сказал Муравьёв, — цветок, который уже почти не встречается в пустыне.

И он вытащил цветок из петлицы Герасима Утина.

Флейтист было запротестовал, но Муравьёв сказал строго:

— Наука требует!

Он раскрыл свой ящик и поместил редкий цветок в самом центре под стеклом.

— Какая находка! — говорил он, покачивая головой. — Можно подумать, что этот цветок выбрался из-под земли, чтобы послушать вашу музыку.

— Очень может быть, — скромно согласился Гера.

Потом он обиженно взглянул на Муравьёва:

— Я привык, что мне дарят целые букеты, а вы отобрали у меня единственный цветок.

Гера вздохнул и взобрался в фургон.

8

В полдень мы решили отдохнуть в чайхане у дороги.

Чайханщик, добрый человек в белой, открытой на груди рубаше, встретил нас у дверей, спросил о нашем здоровье, о здоровье наших близких, всем пожелал благополучия и приготовил зелёный чай.

Расположились мы на старом, местами вытертом ковре, на котором змейками разбегались белые, чёрные и красные узоры. Голуби влетали в открытые окна и двери чайханы, расхаживали по ковру и клевали крошки.

В чайхане, кроме нас, был ещё один посетитель — смуглый человек в клетчатой рубашке. У ног его лежал кожаный раскрытый мешок, из которого виднелся угол железной клетки. В углу стояло охотничье ружьё.

— Крестинский! Какими судьбами! — воскликнул Муравьёв.

Муравьёв и охотник обнялись.

— Ты откуда? — спросил Муравьёв.

— Из Ленинграда, — ответил Крестинский.

— Я так и знал, что ты вернёшься.

Крестинский говорил, что очень скучал без пустыни, и, едва окончив свою научную работу, снова приехал в Байрам.

Бахрам приложил правую руку к сердцу, а левой рукой подал охотнику чашечку зелёного чая.

— И отлично! — сказал Муравьёв. — Тут столько нового! Представь, я сегодня нашёл цветок инкарвиллеи семиреченской!

— Положим, это я нашёл, — сказал Гера, — но не знал, как он называется.

9

Гера достал свою флейту и заиграл арию Орфея. Опять полилась протяжная и грустная мелодия, которую мы однажды уже слышали среди барханов.

Крестинский забеспокоился, отошёл от Муравьёва, заглянул в свой кожаный мешок и сказал Утину:

— Прошу вас, перестаньте играть!

Гера обиделся.

— Вам не нравится, как я играю? — спросил он.

— Нет, почему же, — ответил Крестинский, — мне очень нравится, и всё же прошу вас, перестаньте!

— Между прочим, — сказал Гера, — Орфей был великий музыкант. Его слушали все: не только люди, но даже львы и антилопы, даже цветы слушали его. — И он взгля-

нул на Муравьёва с укором. — Всё замирало вокруг, когда он играл. — И Гера повёл вокруг своей пухлой рукой.

Тогда Крестинский, который вовсе не хотел обидеть Геру, указал на свой кожаный мешок и сказал:

— Они спят, не будите их.

— Кто спит? — сердито сказал Гера. — Кто спит, когда я играю?

— Змеи спят, — ответил Крестинский. — Четыре кобры.

— Змеи! — закричал Гера и вскочил на ноги, подняв с ковра свою шляпу, футляр от флейты, флейту и свои башмаки, которые он снял для удобства и покоя.

Голуби улетели в открытые окна и двери.

— Мудрые змеи зашевелились, — сказал Бахрам, — а кроткие голуби улетели.

Когда Гера немного успокоился, он сказал:

— Я рад, что моя музыка может взволновать даже кобру!

10

У Крестинского в руках была палка. Обыкновенная палка, без всяких украшений, только на конце она была раздвоена, как маленькая рогатка.

— Стоит только прижать голову змеи рогаткой к земле, как она становится совершенно неопасной, — объяснил Крестинский.

— Легко сказать! — заметил Муравьёв.

Крестинский был не простой охотник, а учёный.

Он дал мне свою палку с рогаткой на конце и сказал:

— Храни!

Мама всё время присматривалась к Крестинскому. Вид у него был усталый, и сквозь загар проступала странная желтизна и бледность.

Он накинул на плечи меховую куртку и поёжился. Я удивился: жара стояла такая, что невозможно было выйти на солнце, а ему холодно.

— Вы больны, — сказала мама. — У вас малярия. Вам нельзя здесь больше оставаться. Надо немедленно ехать в Байрам. Там есть хорошая больница.

— Пустяки, — ответил охотник. — Не обращайтесь внимания.

И он прилёт на ковёр, прикрыв глаза тыльной стороной ладони.

Чайханщик принёс свежезаваренного чая и сказал, что охотник уже второй день живёт здесь и по ночам разговаривает во сне.

Мама раскрыла дорожную аптечку, нашла флакон с белыми таблетками хинина и заставила Крестинского выпить лекарство.

— Поедемте с нами, — говорила она.

— Уехать? — ответил охотник. — А как же мой Волчок?

Мы ничего не могли понять.

Чайханщик сказал, что с охотником была умная, хорошая собака, которая вдруг пропала, и Крестинский её всюду разыскивает уже два дня.

— Два дня, — сказал отец и взглянул на часы. — Время не ждёт, пора в путь!

— Но оставить его тут мы тоже не можем, — сказала мама.

Гера Утин сложил флейту в футляр и задумался, глядя на охотника.

Слышно было, как Бахрам во дворе заводит мотор машины.

Муравьёв разволновался и сказал, что надо или сейчас же найти собаку, или взять с собой Крестинского без неё.

11

Я незаметно выбрался из чайханы и побежал к самому высокому бархану.

Мне казалось, что сверху я увижу всю пустыню. И где бы ни был Волчок, я сразу найду его. Бархан был очень высокий, и я взбирался на него долго, цепляясь за песок и сухие колючки. Ветер уносил пыль из-под ног.

Наконец я оказался на самом гребне и огляделся. Вокруг были такие же барханы, одни пониже, другие повыше.

Только внизу белела костяная роцца, вроде той, которую мы осматривали вместе с Муравьёвым. В небе таяло маленькое серое облачко.

Я спустился к саксауловой роцце.

— Волчок! Волчок! — кричал я.

Никто не откликнулся. В саксауловой роцце было пустынно и тихо.

Но в руках у меня была палка охотника, раздвоенная на конце, и с ней я ничего не боялся.

Потом я услышал, что кто-то окликает меня. И увидел слева на бархане Геру Утина с флейтой, а справа, на другом бархане, Муравьёва с увеличительным стеклом и зонтиком под мышкой.

Они решили, что я тоже потерялся.

А я не потерялся! И не думал...

— Если ты не потерялся, почему же ты плачешь? — спросил меня Гера Утин.

— Потому что я не нашёл Волчка, — ответил я.

Смеркалось. Вдали пробежали шакалы и залаяли, заскулили, заплакали за барханами. Голоса их были дикими и злыми.

12

Бахрам и отец бережно перенесли Крестинского в фургон. Охотника уложили на расстеленные одеяла.

Наполнили горячим чаем термос, и теперь мама держала его вместе с аптечкой наготове.

Бахрам завёл мотор. Мы уже попрощались с чайханщиком, который пожелал нам счастливого пути.

И вот тут-то Гера извлёк свою флейту из футляра и заиграл арию Орфея, устроившись на ступеньках чайханы.

— Вы с ума сошли! — сказал Муравьёв. — Мы уезжаем, торопимся, а вы опять со своей музыкой!

Он играл ещё лучше, чем прежде. Музыка его была слышна далеко вокруг. Её нельзя было не слушать. Бахрам выключил мотор и выглянул из кабины. Отец подошёл ближе к Утину, забыв взглянуть на часы. Мама слушала музыку издали. А когда Гера Утин окончил арию, чайханщик подошёл к нему, положил ему руку на плечо и сказал:

— Меня зовут Али. Ты очень хорошо играешь. Приезжай, моим гостем будешь...

— Очень рад, — сказал Гера, — очень рад. — И снова заиграл на флейте.

И вдруг, словно из-под земли, выросла худая насторожённая собака и подошла к фургону.

— Волчок! — закричал я.

Волчок подошёл к машине.

Но Крестинский крепко спал и не видел этого.

— Орфей! — сказал Муравьёв, обращаясь к Герасиму Утину. — Ничего не скажешь.

— Теперь вы понимаете, — воскликнул Гера, — что такое музыка!

Я схватил Волчка и поднял его с земли. Мама помогла мне, и Волчок прыгнул в кузов, стал тормозить Крестинского, лизать ему щёки.

Крестинский обнял его за шею и тихим голосом сказал:

— Волчок!

13

Ночью мы проехали Дехканский мост.

У мамы хранились газеты и фотографии тех лет, когда строился этот мост. И я узнавал отца на фотографиях среди рабочих и военных на берегу реки или под навесом инженерного домика.

Я очень хотел увидеть Дехканский мост, но сквозь сон запомнил только огни на башнях, стальные переплёты и далеко внизу тёмную воду, по которой гналась за нами луна.

А утром, уже вблизи Верблюжьего колодца, мы вдруг увидели маленького мальчика лет шести.

На нём была высокая туркменская шапка, тёплый халат и мягкие сапоги.

— Кумли, — сказал о нём с уважением Бахрам. — Сын пустыни.

Пески здесь называют «кумы», и того, кто родился в пустыне, называют «кумли».

Мальчик остановился и поздоровался с нами.

— Он потерялся, — сказала мама. — Мы должны взять его с собой...

Бахрам засмеялся и спросил мальчика по-туркменски:

— Ты потерял дорогу? Может быть, поедешь с нами?

Мальчик поклонился и покачал головой.

— Он знает здесь все дороги, — сказал Бахрам, — и никуда не торопится.

Он посмотрел с уважением на Кумли.

— По крайней мере, — настаивала мама, — мы могли бы его подвезти до Верблюжьего колодца.

— У него свой транспорт, — ответил Бахрам. — Вон, посмотрите!

На вершине бархана стоял в ожидании бурый верблюд. На спину ему был брошен чёрно-красный текинский ковёр.

— Байрам! — сказал Кумли и указал рукой в ту сторону, откуда слышался гул железной дороги.

И мы долго ещё видели фигурку мальчика и его верблюда на фоне синего неба и золотых песков, около последнего колодца.

14

На переезде два пограничника у шлагбаума проверяли документы. Мы въехали в военный городок. Гера Утин вместе с документами протянул и свою флейту.

Муравьёва и Крестинского пограничники знали в лицо.

— Проезжайте! — сказали они и открыли шлагбаум.

Вдали стояли большие зелёные облака. Это были деревья Байрама.

Наш дом был расположен на окраине городка в небольшом саду. Дом был старый. В пустых комнатах гуляло эхо.

До нас в этом доме жила другая военная семья, такая же, как наша. Теперь они уехали в другой, дальний гарнизон. На ступеньках крыльца мелом было написано: «С приездом!» А на веранде мы нашли записку: «Во время грозы закрывайте ставни, а то стёкла бьются. Счастливого оставаться!» И дата — апрель 1939 года.

Бахрам поставил машину на отдых под навес и молча копался в моторе. Как только мы поселились в каком-нибудь городе, он переставал петь. Он тоже был Кумли — сын пустыни.

На веранде зажгли свет. Мама накрыла стол белой скатертью. И отец сказал:

— Всех прошу на новоселье.

46

Позже, когда все уже сидели за столом, пришёл начальник военного городка, комбриг Пряхин, взглянуть, как мы устроились на новом месте. Он пришёл не один, а со своим сыном Виктором. Этот Виктор мне сразу понравился. Славный такой мальчик. И Волчок вдруг подошёл к нам, как к старым знакомым, и стал слушать, о чём мы говорим.

Пока взрослые шумели за столом, Виктор отвёл меня в сторону и сказал:
— Я тут порох изобретаю. Как ты думаешь?..

В ДВУХ ШАГАХ ОТ ДОМА

I

Как я болел, этого не помню.

А выздоравливать начал, кажется, в тот самый день, когда старший брат подарил мне три испанские марки — зелёную, красную и фиолетовую.

Целую серию!

Эти три марки было первое, что я увидел. И вдруг понял, что болезнь прошла, что я выздоравливаю.

Так бывает, когда долго сидишь под водой, а потом вдруг почувствуешь, что поднимаешься наверх, что сумрак тебя выталкивает к свету...

Вынырнешь и сначала плохо различаешь, где волна, где берег, где корма, — всё в какой-то радужной, сверкающей мгле.

Так и я сначала видел просто разноцветные марки — зелёную, красную и фиолетовую. А потом стал различать изображённые на них корабли.

Это были каравеллы Колумба.

Я уже отчётливо видел мачты, паруса, палубу, кипящие волны за кормой. И корабли казались мне огромными в огромном океане.

И я стал думать о путешествиях и путешественниках.

В соседней комнате моя сестра играла на рояле польку Рахманинова.

А в окно с постели мне были видны лишь крыша нашей террасы и яблоня во дворе.

II

Я знал одного настоящего путешественника.

Даже двух!

Первый — это, конечно, профессор Курихин из университета, а второй — его сын Лёнька, мой школьный приятель.

Лёнька первый из всей нашей школы видел пустыню Каракумы, купался в Амударье.

Но он всюду ездил со своим отцом. И снимал новеньким фотоаппаратом «Лейка» пустынные пейзажи.

Колючий саксауловый лес в песках, полузатонувшая лодка на необитаемом острове, стальная стела, поставленная альпинистами в горах на скалах... А дома в столовой у Курихиных висел портрет Пржевальского.

И отец, и сын мечтали побывать там, где остановился великий путешественник.

Они говорили:

— Там, где остановился Пржевальский...

И мне казалось, что это где-то очень далеко, куда нельзя ни доехать, ни доплыть, ни дойти пешком.

Там, где остановился Пржевальский!

Меня только удивляло, что профессор Курихин, человек в гольфах, крагах и черепаховых очках, вечно занятый разбором своих минералогических и прочих коллекций, называл Пржевальского пионером.

— Пржевальский был пионером Средней Азии, — говорил Курихин.

Этим он хотел сказать, что Пржевальский первым побывал там, где до него никто и никогда не бывал...

Я с удивлением смотрел на портрет генерала с широкими армейскими усами. Что, казалось бы, у нас с ним общего?

А общее было то, что и он, и мы с Лёнькой были пионерами.

Хотя, конечно, далеко ещё было мне до тех мест, где остановился Пржевальский.

III

Вечером пришёл отец в летней военной форме.

Положил фуражку в прихожей на полку и, войдя в комнату, где мы все собирались к обеду, сказал:

— Собирайся, завтра поедешь в пионерский лагерь!

Он был весёлый, какой-то лёгкий, как будто что-то решил про себя, но держит в секрете.

Но мама сразу поняла, что тут что-то новое.

— В какой пионерский лагерь? — спросила она, расставляя тарелки на столе.

— Как в какой? — ответил отец, как будто это само собою всем было понятно, — в Каракол...

— Я так и знал, — сказал старший брат и хлопнул меня по спине, — идёшь по моим следам, держись!

У этого слова «держись» было много значений: и не падай, и не плачь, и терпи...

Однажды он усадил меня на багажник своего велосипеда «Оппель» и помчался с такой скоростью, что дух захватило, и я не успел ему сказать, что у меня шапку ветром унесло...

Шапку потеряли!

— А с кем он поедет? — осторожно спросила мама, разливая в тарелки картофельный суп.

Отец нарезал хлеб на тонкой доске. Он взглянул на маму и как-то очень просто сказал:

— Поедет один, что за вопрос!

Тут моя сестра, которая была чуть младше моего старшего брата, но значительно старше меня, сказала:

— А я дам ему на дорогу почтовых конвертов! У меня как раз есть целая пачка, и все с марками...

Мама ничего не говорила. Она просто не могла поверить, что я уже выздоровел, и вырос, и могу один поехать в пионерский лагерь.

— Это же всего в двух шагах от дома, — сказал отец про Каракол.

Отец считал, что самостоятельность полезна для здоровья.

И я потом всю жизнь был ему благодарен за то, что он тогда придумал это путешествие.

IV

Утром отец уехал в свою часть, мать ушла на работу, брат умчался на соревнования, сестра отправилась на какой-то экзамен в музыкальное училище.

Провожал меня до остановки трамвая сосед Евгеша.

Был он не молодой, не старый, но все звали его Евгеша. Он тут всю жизнь прожил со своей маман.

В детстве у него была бонна, и он учился французскому языку.

Любил вспоминать, как ему купили серого ослика с медным колокольчиком на шее. Ослик возил его по саду, а маман, оставаясь на высокой застеклённой террасе, всегда слышала, где её Евгеша.

«Или, лучше сказать, где ослик», — думал я, слушая его рассказ.

Евгеша служил секретарём общества филателистов и сам собирал марки с детских лет.

У него были большие альбомы, каталоги, справочники; все мальчишки знали его, гордились, если он соглашался с кем-нибудь из них поменяться марками.

Евгеша никогда никуда не уезжал из своего крошечного домика, в котором он жил вместе со своей маман, но многое знал обо всём на свете.

— Правда ли, — спросил он меня, — что ты едешь в Каракол?

— Правда, — ответил я, вскидывая рюкзак на спину.

— Ты пойдёшь дальше Пржевальского! — воскликнул Евгеша, поправляя на моём плече ремни.

Он был взволнован. Как будто речь шла о новой марке.

— Счастливого пути! — сказал Евгеша и пожал мне руку.

Подожёл трамвай.

И я уехал.

И долго ещё видел, стоя на площадке трамвая, одинокого Евгешу, бредущего по жаркой и пустынной улице.

V

На вокзале я обегал все пути и все платформы, но нигде не мог найти своего поезда.

Оказалось, что я приехал рано и состава ещё не подавали.

Бородатый носильщик в сером фартуке, с металлическим номером у плеча сказал:

— Ничего. Обожди немного, пока все соберутся.

Я хотел ему сказать, что еду один.

Но бородатый носильщик ушёл, а к перрону тихо подкатил состав из зеленых вагонов с закрытыми окнами.

Потянуло дымом от паровоза, послышался скрип тормозов, открылись двери, появились в дверях кондукторы со свёрнутыми разноцветными флажками.

Началась посадка.

У меня был билет в седьмой вагон.

Но пассажиров довольно много, и, главное, много детей.

Когда я подошёл к двери, кондуктор спросил меня:

— Ты с кем едешь?

— Я один еду, — сказал я, протягивая ему билет.

— Отойди в сторонку, — сказал он мне, — и не мешай обществу!

Билет мой он положил отдельно в нагрудный карман своего железнодорожного кителя.

В это время я услышал, как кто-то уверенно сказал:

— Этот парнишка едет с нами!

И на моё плечо легла рука моего неожиданного защитника.

Это был Константин Адамов, гримёр из окружного драматического театра.

Его жена, Антонина, была подругой моей мамы.

— Да, — сказала тётя Тоня, — мы берём его с собой.

— А, это ты? Очень рада, — сказала взрослая дочь тёти Тони.

«Вот и собрались все свои», — подумал я, поднимаясь в вагон.

VI

Не знаю, какое у неё было полное имя, — Валентина или Тинотина.

Но её звали просто Тина.

Ей было, наверное, двадцать лет, не меньше.

Ещё её звали Верой Менчик.

Была в те годы такая знаменитая шахматистка, которая играла в мировых первенствах в Москве и в Амстердаме наравне с Капабланкой, Алёхиным и Ботвинником.

Тина замечательно понимала шахматы.

— Присоединяйся к нам! — сказал Адамов, помахивая поджаристым сухариком.

На столике в купе уже разложена дорожная снедь.

За окном тянулись дувалы, поросшие выгоревшей травой, телеграфные провода, сады предместья.

У меня была боковая полка, верхняя. Я забросил рюкзак на место и пошёл в гости к Адамовым.

Четвёртое место в купе занимал морской капитан, который читал не отрываясь новенькую книгу «Танкер «Дербент».

Мы тихо переговаривались, чтобы не мешать ему, а он поглядывал на нас из-за обложки своей книги.

Про всех людей, которые ему нравились, Адамов говорил:

— У него настоящее лицо!

Морской капитан был молод, и звали его Валерий Шубин.

Потом, во время Великой Отечественной войны, он станет одним из героев обороны Севастополя. Но мы были всё ещё в двух шагах от дома, до Севастополя было ещё далеко.

Паровоз гудел и дымил в широкой туркестанской степи.

Адамов смотрел в окно.

Тётя Тоня развернула свежую газету, где была напечатана статья о новой постановке пьесы «Гибель эскадры».

А Тина сказала мне:

— Сыграем в шахматы!

У неё всегда под рукой был призовой лакированный ящик с чёрно-белыми клетками и выточенными из дерева шахматными фигурами.

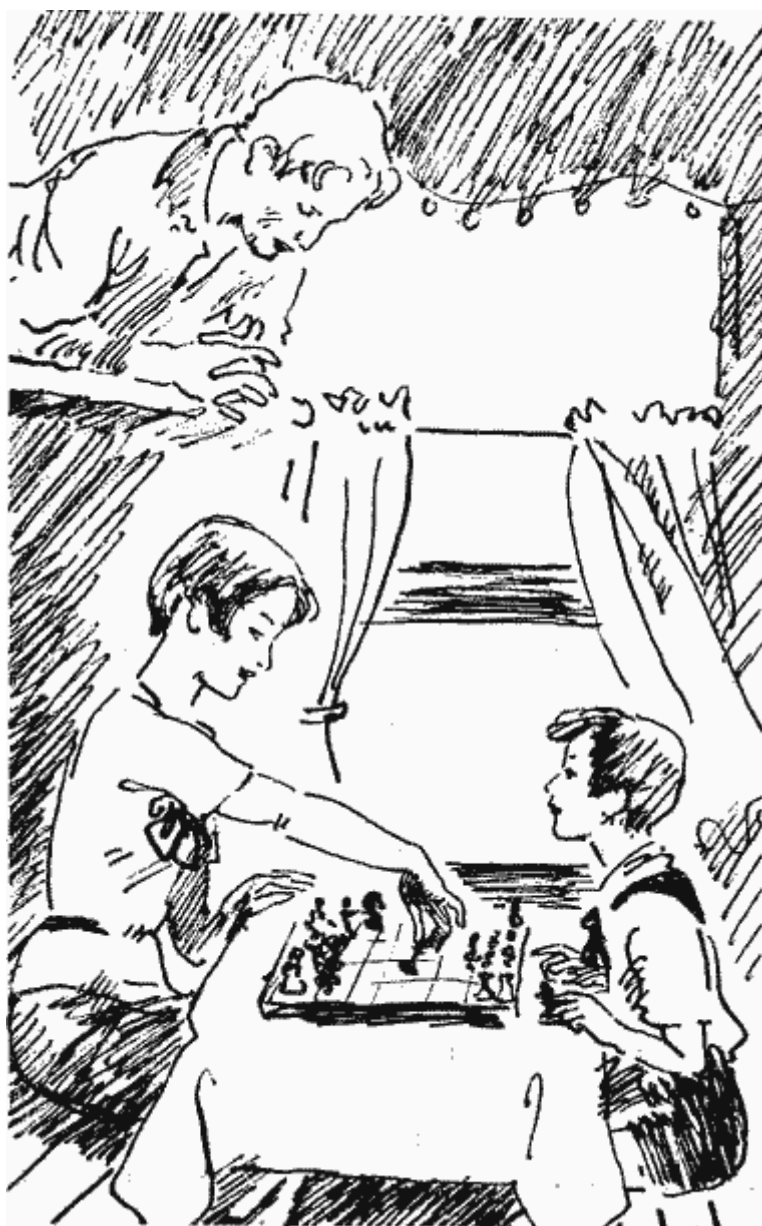
Морской капитан с удивлением посмотрел на шахматы.

Он сказал:

— Играю с победителем!

Мы с Тиной засмеялись. Я у неё не выигрывал никогда...

Морской капитан отложил книгу и спрыгнул с верхней полки.

Он следил за нашей игрой внимательно и даже иногда давал мне советы ввиду явного преимущества противной стороны.

Наконец я уступил ему место за шахматной доской.

Поезд весело бежал по рельсам. В окно заглядывало открытое пространство, пахнущее дымом и волей.

Валерий Шубин расставил фигуры по местам и спрятал, как положено, две пешки, предложив Тине выбирать. Она выбрала правую, вышла чёрная пешка.

— Белые выигрывают, — неуверенно сказал Валерий.

Вера Менчик усмехнулась.

Во время игры она не проронила ни слова, только взглядывала на морского капитана удивлённо.

А он повторял с восхищением:

— Рокировка на правый борт!

Тётя Тоня была в молодости замечательная красавица.

— Жаль, что я в шахматы играть не умела, — сказала она, взглянув на морского капитана.

VIII

Фрунзе был одноэтажный город.

Редко когда пройдёт по улице грузовик или легковая машина.

Гораздо чаще встречались повозки, запряжённые лошадами, осликами или даже верблюдами.

Было очень жарко.

В тени деревьев воздух был неподвижен.

После поезда это чувствовалось особенно сильно.

Всё как-то сразу остановилось.

Мне было даже немного обидно, что Адамовы и Шубин уехали, а я остался.

Однако мне тоже нужно было уезжать.

А для того чтобы продолжать свой путь, я должен был найти автомобильный батальон, как мне объяснил отец.

У меня был записан адрес и даже было письмо к майору Шалаеву.

Но когда идёшь один по городу, а на каждом углу продают мороженое, забываешь о времени.

Найти автобат было нетрудно.

Трудно было удержаться и не заглянуть на стадион, где шёл футбольный матч между двумя неизвестными командами.

Игра была горячая.

Футболисты в красных и синих полосатых майках толпились в центре поля.

А в воротах синих голкипер ел мороженое. Он расхаживал от штанги к штанге, поправлял сетку и крутил на языке круглые вафельки.

Неподалёку от ворот стоял мороженщик с кадушкой на голове.

Такого матча я никогда не видал.

Судья бегал по полю с мокрым полотенцем на голове.

Очень уж было жарко.

А когда к вечеру я добрался до автобата, майор Шалаев мне сказал:

— На перевале снег!

IX

Машины вышли поздно вечером.

Больших огней не зажигали, фары не слепили глаза, только мелькали красные сигналы на впереди идущих грузовиках.

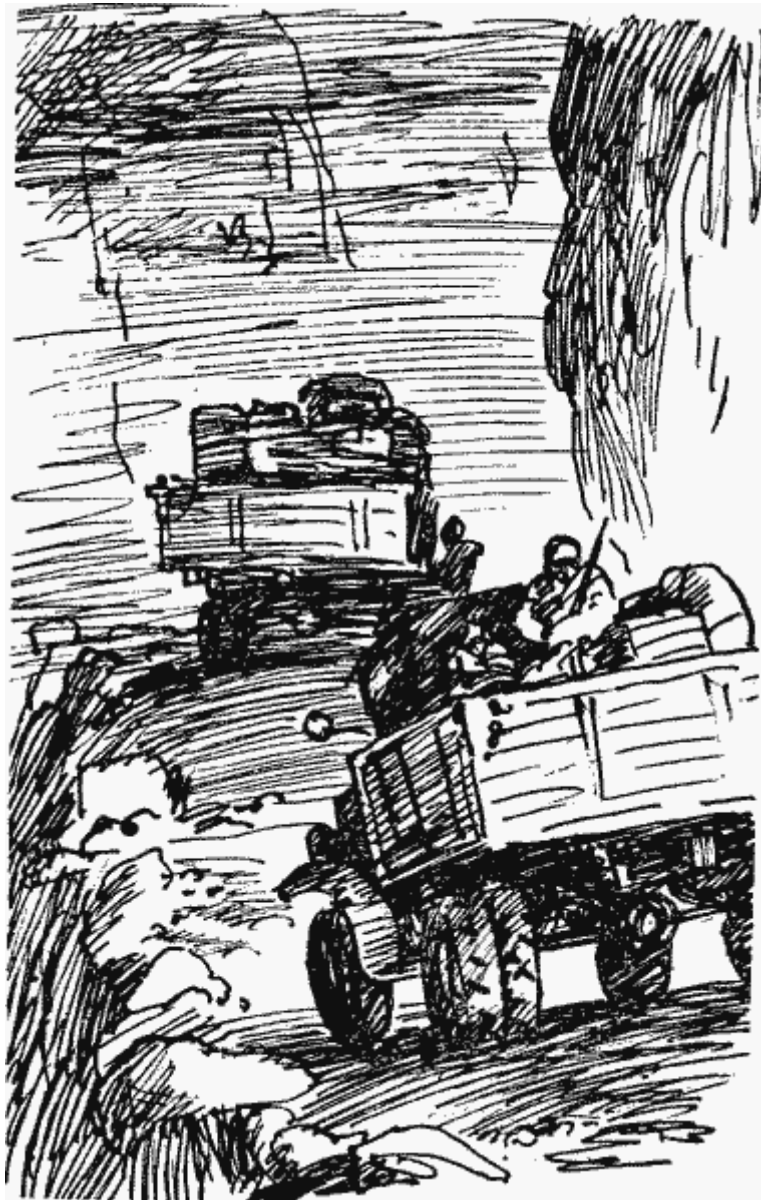
Я ехал с двумя бойцами в кузове второй машины.

Машина была тяжело нагружена, и только для сопровождающих оставалось место возле кабины.

Здесь было хорошо, не так ветрено и не так шумно.

Мне выдали валенки, шинель и суконный шлем.

Впереди был перевал.

Один из бойцов был новобранец, и он рассказывал всё про Москву, где он жил и учился, когда его призвали в армию. Звали его Чугуев.

И так он хорошо про Москву рассказывал, что я вдруг вспомнил, как в окружном театре у Адамова в пьесе «Падь серебряная» пели:

Письмо в Москву, в далёкую столицу,
В которой я ни разу не бывал...

Чугуев рассказывал, как он поступал в художественное училище. На экзамене всем было предложено нарисовать лошадь по памяти. И он нарисовал не вообще ло-

шадь, а ту самую вихрастую лошадку, которую видел в детстве на метеостанции, где служил его отец.

В приёмной комиссии был в тот день знаменитый художник Самокиш.

«А как зовут эту славную лошадку?» — спросил он.

Угадал сразу, что лошадка на рисунке настоящая, а не выдуманная, хотя и нарисована по памяти.

— Ну и как же её звали? — спросил второй солдат сверхсрочной службы по имени Андрей Анисимович.

— А лошадку мою звали просто Зойка! — сказал Чугуев и загрустил.

На экзамене в художественное училище надо было ещё нарисовать гипсовую голову старика в локонах с натуры. С этим вторым заданием Чугуев не справился и в художественное училище не попал.

Х

Машины поднимались всё выше в горы. Моторы сосредоточенно ревели на подъёмах, колёса выбрасывали в стороны щебень, оседали на ухабах.

То слева, то справа проходили ущелья, наполненные туманом.

И вдруг вырастали над головой так, что можно было тронуть рукой, скала или дерево, парящие в воздухе.

Было уже темно.

И вдруг Чугуев спросил:

— А это что такое?

По горам, через кузов машины, шагали какие-то белые фигуры, рассеиваясь в ущельях.

— Облака... — сказал Андрей Анисимович, кутаясь в шинель.

Такого я ещё никогда не видел.

Машины вошли в зону облаков. Они парили в воздухе, белые и красные огни стали мглистыми. В шлеме и шинели мне было холодно, и я не спал всю ночь.

Видел Токмак, через который мы прошли на большой скорости так, что яблоневые сады шумели, как сильный дождь.

В свете автомобильных фар мелькали дома, палисадники, колодцы с журавлями. Слышались переборы гармошки, и чей-то голос звонко пел: «Про того, которого любила...»

Был уже 1940 год, середина.

— А ты куда, парнишка, едешь? — спросил меня сверхсрочный боец Андрей Анисимович.

— В Рыбачье, — ответил я.

— Ну, это рукой подать, — сказал Чугуев. — Два шага осталось.

ХІ

Сколь ни труден был подъём, спуск оказался ещё труднее.

Машины шли на малой скорости, соблюдая дистанцию, балансируя над крутизной.

Часто приходилось останавливаться, чтобы остыли моторы. Вода в радиаторах кипела ключом, а вокруг были снега и льды.

Мы спрыгивали с машин и подкладывали под колёса плоские камни, чтобы облегчить тормоза.

Шалаев прошёл мимо и спросил:

— Не замёрз?

Шофёры разводили костёр на дороге.

Вскипятили чай, вскрыли консервы, нарезали хлеба.

Это называлось «ночная кухня».

И до чего же эта «кухня» была вкусна, на морозе, пахнувшая дымом, в тесном кругу на последнем перевале!

Уже светало, когда мы двинулись в путь. Горы уходили от нас всё дальше, впереди теперь было Рыбачье.

И всё же я не заметил, как и когда мы подошли к большой воде.

Открылся вдруг не то провал, не то выход в долину, ещё закрытую утренним туманом.

Сразу вдруг стало тепло. Солнце чувствовалось в воздухе, хотя его ещё не было видно.

Послышались резкие голоса чаек. И потянулся откуда-то протяжный гудок парохода.

Мы выехали на улицу.

Да, это была не просто дорога, а именно улица с приземистыми каменными и деревянными домами по обеим сторонам.

Там, где угадывалась пристань, стояли магазины с высокими каменными крылечками. А чуть поодаль — базар под открытым небом.

Рыбачье!

И наша машина остановилась у здания военной комендатуры.

XII

К машине подошёл грузный человек в начищенных до блеска сапогах и в накинутой на плечи шинели.

Он окликнул меня по фамилии.

Это был военный комендант Назаров. Он обещал отправить меня в Каракол с первым же рейсовым пароходом.

Я спрыгнул на землю.

На мне тоже была шинель, накинутая на плечи и достававшая до самых пят. Шлем я держал в руках.

Назаров несколько секунд смотрел на меня в упор, потом сказал:

— Ну, шинель ты можешь сдать Шалаеву.

Чугуев и Андрей Анисимович передали мне из рук в руки рюкзак.

Пока я сдавал шинель, а на это ушло всего, наверное, две минуты, машины ушли, и я не успел проститься с Чугуевым и сверхсрочным бойцом.

Они уехали дальше, а я остался с Назаровым. И мне было грустно. Я вспоминал про то, как Чугуев рассказывал про вихрастую лошадку Зойку с метеостанции, и про то, как машины шли в облаках...

— Пойдём, — сказал Назаров.

Он привёл меня в огромный чистый зал, в котором рядами стояли деревянные раскладушки — раздвижные рамы, перехваченные парусиной.

Дежурная сестра Агнесса выдала мне бельё, казённое одеяло и подушку.

— Отдыхай до вечера, — сказал мне Назаров.

И ушёл, кивнув сестре Агнессе, как мне показалось, с укором.

Я застелил постель у окна, но спать не хотелось.

В окно был виден книжный магазин.

Я вышел на улицу, разыскал магазин, который был виден из окна, и купил там две книжки.

Одна называлась «Воздушный шар», а другая — «Гимназия».

На синей обложке «Гимназии» была наклеена картинка: инспектор и гимназисты в узком коридоре...

А в клубе шёл фильм «Красные дьяволята».

А тут между домами я увидел море и сразу забыл про книги и про кино.

ХIII

На берегу моря стоял чёрный як.

Верхом на яке сидела девочка в красном венке с биноклем в руках. Ждали прибытия «Кирова».

У причала дымила новая «Киргизия» — огромный чёрно-белый гигант. Мачты её тонули в тумане, такие были высокие.

— А где же «Киров»? — спросил я у девочки на яке.

Она обернулась и посмотрела на меня с удивлением.

— Разве ты не видишь? — сказала она и указала рукой вдаль.

Это была дочка сестры Агнессы.

Она была похожа на свою мать, и звали её Жанной. Было ей лет семь, наверное...

Она протянула мне бинокль.

Но в бинокль я ничего не увидел, кроме неба, побережья, и бесконечных волн в тумане, и чего-то, похожего на парус.

В это время откуда-то издалека донёлся до нас гудок парохода.

— Дядя Кузя идёт, — сказала Жанна.

Чёрный як вытянул морду и промычал что-то по-своему.

Як был комендантский. Назаров разрешал Жанне брать его под седло. И она ездила на нём встречать дядю Кузю.

Она сказала мне, что дядя Кузя скоро сойдёт на берег и увезёт маму Агнессу и Жанну туда, где нет моря...

Потому что здесь недаром говорят: «Кто на Иссык-Куле не бывал, тот и горя не видал...»

Отец Жанны погиб во время шторма. И мама Агнесса боится прибоя.

Но комендант Назаров не хочет, чтобы Жанна и её мама уезжали из Рыбачьего.

И ещё она сказала, что у дяди Кузи есть верный пёс Фукс, которого все знают и любят на побережье за верную службу.

Пока мы так разговаривали, «Киров» вышел из тумана и заслонил собой всё побережье и полнеба в придачу.

XIV

Раньше я думал, что путешествие — это тысяча пейзажей. Как на пустынных фотографиях у Лёньки Курихина.

Но оказалось, что путешествие — это тысяча лиц.

Назаров, сестра Агнесса, Жанна и ещё неведомый мне дядя Кузя занимали теперь моё воображение.

К тому же на пароходе «Киров» из Каракола прибыл знаменитый охотник и ловец снежных барсов Челпан.

Я ожидал увидеть витязя в тигровой шкуре.

И увидел витязя.

Только одет он был не в шкуру, а в хороший коверкотовый костюм. И на груди у него красовался эмалевый значок участника сельскохозяйственной выставки в Москве.

Два сына подвели ему осёдланную лошадь под чепраком, и он уехал, как говорили, на слёт Охотсоюза.

Женщины поднимали маленьких детей, чтобы они увидели и запомнили ловца барсов, старого Челпана, на маленькой косматой лошадке под истёртым чепраком.

Два сына ехали на таких же косматых лошадках. Один из них был городской учитель, а другой служил в Автодоре.

Все трое прекрасно знали, что Рыбачье смотрит на них. Отец ехал впереди, а сыновья следом... И стремена у лошадок сверкали как серебро.

А когда растаял туман, стали видны снежные вершины Тянь-Шаня.

Стоянка «Кирова» в Рыбачьем до его обратного рейса в Каракол продолжалась целые сутки.

И целые сутки я провёл вместе с Назаровым, дядей Кузей, сестрой Агнессой и её дочкой Жанной.

Особенно мне запомнилась вечерняя прогулка по берегу Иссык-Куля.

Впереди на своём чёрном яке ехала Жанна.

Хотя я был на целых пять или шесть лет старше Жанны, мне так и не удалось покататься на горном быке.

Як подставлял мне под ноги рога. И слушался Жанну.

Она сидела на его широкой спине и плела венки.

За нею следом шла сестра Агнесса с сеточкой для купального полотенца.

Дядя Кузя собирал цветы.

А Назаров ловко закидывал плоские камешки поперёк волны чуть ли не на середину озера!

Этот фокус мне тоже тогда не удавался.

А позади бежал Фукс и распугивал чаек на отмели.

XV

Посадка на корабль происходила затемно, при свете прожекторов. Люди несли в руках чемоданы, узлы, коробки, сундуки. Некоторые держали билеты в зубах, так как руки были заняты.

Боцман дядя Кузя стоял у трапа и поторапливал пассажиров.

— Живей, живей! — говорил он, наклоняясь над бортом.

Какой-то худой человек, с тонкой шеей, в мешковатом полувоенном френче с чужого плеча, хотел пройти без билета, но Фукс поднял отчаянный лай, и дядя Кузя сказал:

— Вольдемар, возвратись!

Безбилетный Вольдемар, не говоря ни слова, возвратился.

— Тьффу, — сказал большой рыбак с мешком, пахнущим кожей, — каждый раз с этим Вольдемаром та же история.

Вольдемар держал под мышкой тонкий крокодиловый портфель. Лицо у него было надменное, а улыбка жалкая.

— Картёжник, — сказал дядя Кузя. — У одного рыбака весь улов выиграл. Да тут же и проиграл тому же рыбаку. От жадности... Карты у него свои, — добавил дядя Кузя и захохотал, а потом сплюнул за борт.

Лицо у Вольдемара было не настоящее, как сказал бы Адамов.

В трюме я не сразу нашёл свою полку. Она была в третьем верхнем ряду нар.

Соседями моими были две тихие женщины с детьми и большой рыбак с мешком.

На каждой полке лежал спасательный пояс наподобие фартука. Он надевался тесёмкой на шею и завязывался за спиной. На груди и на поясе были вшиты в крепкую парусину пробковые плитки.

Мне этот фартук очень понравился, потому что я не так хорошо плаваю, как мне хотелось бы.

Вернее сказать, я плавать не умею, потому что вырос на краю пустыни, где больше песка, чем воды.

— Ты чего? — спросил меня большой рыбак.

Он поднял голову и увидел, что я примеряю спасательный пояс.

— Пробковый! — сказал я ему, с восхищением показывая на парусиновый фартук.

— Может, ещё и не понадобится, — ответил большой рыбак и лёг на свои нары в самом низу.

XVI

Когда наконец вышли в море, дядя Кузя отвёл Фукса на корму и посадил его там на цепь.

Фукс был добрый пёс с острыми ушами, неизвестной породы, какой-то сизой масти.

Мне было жалко Фукса, но я не решился заговорить с дядей Кузей, потому что он мне сказал, когда только я познакомился с ним:

— Фукса не балуй!..

Сестра Агнесса приготовила мне на дорогу свёрток с едой.

Я подарил Жанне «Воздушный шар» на прощанье.

«Киров» уходил в обратный рейс на рассвете. Но туман рассеялся, с гор подул свежий ветер. Сначала в трюме проснулась машина, и корабль вздрогнул.

«Киров» отошёл от пристани, и пристань сразу стала маленькой, слилась с берегом.

А берег повернулся, ушёл в сторону, и почти неразличимы стали дома и палисадники Рыбачьего.

И вдруг раздалась команда:

— Поднять парус!

«Киров» был моторно-парусный корабль. Этого я не заметил с берега.

Скрипели канаты, плескалась вода, умолк мотор — и развернулся парус. Это было удивительное зрелище! Как будто воскресла вдруг «Эспаньола» из старого романа Стивенсона...

Парус, казавшийся таким тяжёлым, вдруг ожил, выгнулся, наполнился ветром, стал воздушным и поплыл по небу.

Было тихо, так тихо, как бывает, наверное, только на парусном корабле.

Фукс весело лаял на корме.

XVII

Я лёг на свою полку, достал синюю «Гимназию» и немного почитал про инспектора Прохора и его учеников. Как они друг друга изводили. Как будто вся жизнь у них была в одном тесном коридоре, где они никак не могли разойтись.

В общем, вся их жизнь мне мало понравилась.

И тут вдруг снова заработала машина. Читать было трудно, потому что корабль сильно раскачивался.

Тихие женщины тихо говорили между собой, прижимая к губам концы своих головных платков.

— Буря! Буря...

И укладывали детей спать.

Дети капризничали, их тошнило от качки.

На скамье напротив спал, вытянув ноги, человек в матерчатых туфлях. Чей-то сундучок выехал из-под нар и ударил его по ногам.

Человек в матерчатых туфлях проснулся и стал выяснять, чей сундучок. Ему показалось, что это сундучок большого рыбака. Но большой рыбак сказал, что у него мешок, который никому не помешает...

Тут началась ссора.

А я подумал: «Как же там Фукс?»

Качка становилась всё сильнее и сильнее. Трюм ожил и загудел. С верхних нар сорвался и упал на пол чемодан...

Я спустился со своей полки и тихо выбрался из трюма на палубу.

На палубе было столько света, свежести и чистоты, что я остановился от неожидаемости.

Корма была в двух шагах!

Фукс встал на задние лапы, увидев меня, и заскулил.

Он был весь мокрый, на цепи, под канатами.

Держась за поручни, я добрался до него как раз в тот миг, когда волна перекинулась через борт и разбилась на корме.

Сама корма в этот миг присела, а потом полезла на стену.

XVIII

Мы с Фуксом были рядом, сидели, прижавшись друг к другу, под канатами, которые защищали нас от волны.

Но не могли защитить от качки.

Трюм, с его сундучками, чемоданами, мешками, со всеми его тихими и громогласными обитателями, казался мне недосягаемым.

Чем хорош трюм?

В нём моря не видно.

Не видно, как поднимается корма и весь корабль на высоту трёхэтажного дома, а потом вдруг падает с этой высоты!

Меня мучило, и я боялся выпустить из рук канат.

Два шага, отделявшие меня от двери в трюм, были теперь непреодолимым пространством.

Фукс лизнул меня в лицо и ткнул лапой в грудь.

Я слышал теперь только шум волны, рёв ветра и лай Фукса.

И казалось, что ничего никогда больше не будет...

И вдруг я увидел перед собой дядю Кузю. Он стоял, широко расставив ноги на качающейся палубе и смотрел мне прямо в глаза.

— Я что сказал: Фукса не балуй! — прозвучал его спокойный голос. Он наклонился, отстегнул цепь и взял меня за руку. Даже ветер притих как будто и качка стала меньше, пока мы шли от кормы к трюму.

Дядя Кузя швырнул меня по лестнице вниз и крикнул вслед:

— Чтоб я тебя больше не видел!

И дверь захлопнулась.

Рыбак перегнулся через край своей полки, поглядел на меня и спросил:

— Ты чего?

— Шторм, — ответил я, кивнув на лестницу.

— А, — сказал большой рыбак, — это пройдёт. Ты лучше ляг на полку и дыши ровней, вместе с кораблём. Вдох, выдох — вот так. Как корабль...

В трюме мне показалось так тихо и хорошо, что я чуть не заплакал.

XIX

Я долго болел тифом.

Даже доктора не верили, что я выживу.

Когда я в первый раз вышел за ворота, то от слабости тут же свалился в траву.

А потом, когда я окреп немного, меня отправили одного в пионерский лагерь на Тянь-Шане.

Оказали доверие.

И я не мог обмануть этого доверия.

Если бы даже не пришёл дядя Кузя, я всё равно бы сумел вернуться в трюм так же, как я выбрался из него в начале шторма.

Мне просто жалко было Фукса...

И я не хотел оставлять его одного на корме.

Да ещё на цепи...

В это время я почувствовал, что кто-то трогает меня мокрым носом.

Фукс!

То ли он сам проник в трюм неизвестными путями, то ли дядя Кузя пустил его ко мне, не знаю.

Но это был Фукс, с которым мы вместе спасались на корме под канатами.

Шторм утихал постепенно, качка становилась слабее.

Зашевелились пассажиры в трюме.

И я забрался на свою полку, раскрыл рюкзак, чтобы угостить Фукса пирожком.

Но во время посадки, наверное, всё в моём рюкзаке перемешалось. К тому же ещё разломилась коробка с зубным порошком. И соль насыпалась в конверты с марками. Но это не беда.

Я и угощал Фукса, и сам ел куриную ножку с привкусом «Хлородонта».

Большой рыбак поднялся с нар, поглядел на нас и засмеялся.

— Ничего... Бывает! — сказал он. — Однако собирайся. Скоро пристань!

XX

Мой старший брат говорил мне:

— Что первое увидишь в пионерском лагере, то и будешь потом помнить всю жизнь.

Первым, что он сам увидел, когда приехал в пионерский лагерь, была буровая вышка.

Геологи искали воду.

Первое, что увидела моя сестра, когда приехала в пионерский лагерь, было новое пианино, поставленное на свои медные колёсики посреди асфальтовой дорожки, сквозь которую пробивалась жёсткая трава.

Она откинула крышку пианино и стала играть «Итальянскую польку» Рахманинова, которую любила и играла дома.

Мальчишки из старших отрядов катили пианино по асфальту, а она играла и шла следом за ними по асфальту, забросив чёрные косы за спину.

И так она подошла к клубу.

Старшие мальчики подняли пианино по ступенькам, прокатили по коридору, внесли на сцену. А она всё играла.

Это был её первый концерт.

XXI

«Киров» подошёл к пристани Каракола на рассвете следующего дня.

И пришлось мне проститься и с дядей Кузей, и с Фуксом, и с большим рыбаком...

Я поднимался в гору и с первого холма оглянулся и увидел наш корабль в гавани.

И со второго холма я оглянулся и увидел гавань, освещённую солнцем.

А с третьего холма я уже не видел ни корабля, ни гавани.

«Гимназию» я забыл под подушкой, пусть почитает кто-нибудь на обратном пути.

Внизу было озеро — огромный, как море, Иссык-Куль. А впереди был Тянь-Шань, хвойные перелески, альпийские дуга, вечные льды.

И вдруг я увидел памятник. Это был он. Пионер Средней Азии.

Сначала я даже не поверил своим глазам.

Это был памятник Пржевальскому. Крутая скала из гранита с бронзовым крестом и бронзовым орлом на вершине.

Я вышел к тому самому камню, где великий путешественник остановился навсегда.

И я вспомнил Курихиных — и сына, и отца.

И ещё я вспомнил Евгешу, который провожал меня в это путешествие.

После всего, что я увидел, я решил подарить ему три испанские марки с каравеллами.

Всю серию!

Прощай, Пржевальский! Я ухожу, мне надо идти вперёд.

И я вошёл в ворота пионерского лагеря, как входят в другую эпоху.

Это был гарнизонный пионерский лагерь для детей военных.

И первый, кого я увидел, был Иван Ефимович Петров, туркестанский полководец. Его знаменитое пенсне сверкнуло на солнце.

Да, это был тот самый генерал Петров, герой Великой Отечественной войны, которая уже была не за горами, а в двух шагах от дома.

Петров приехал в открытом автомобиле, в новом кителе с полевыми защитными петлицами.

И памятник Пржевальскому навсегда остался для меня таинственным знаком времени, пространства и движения.

Экспедиция

Переходит реку вброд.

Путешественник Пржевальский

Идёт вперёд.

За его широким плечом ружьё,

Впереди неизвестность,
Дымок, жильё...
Когда у подножья Тянь-Шаньских гор
На последней стоянке горел костёр,
А на высях сиял золотой ледник,
В последний раз он раскрыл дневник.
Вот здесь он сидел пред своим огнём
В двух шагах от дома,
Где мы живём.